

ПЛАМЯ ВЕЧНОГО ОГНЯ

70-летию
Великой Победы
посвящается

Керчь
2015

Уважаемые керчане!

Дорогие земляки!

Вы держите в руках сборник произведений керченских авторов посвящённый 70-летию Великой Победы.

Керчь — героическое место, прославившее себя в тяжёлых боях Великой Отечественной. Каждая пядь керченской земли полита кровью сотен и тысяч солдат и мирных жителей. За подвиги, совершённые в боях за Керчь, 137 человек удостоены звания «Герой Советского Союза», 21-й части и соединению присвоено почётное звание Керченских. Вечной славой покрыли себя защитники подземного гарнизона Аджимушкайских каменоломен, участники Керченско-Феодосийского и Керченско-Эльтигенского десантов. На побережье десятки братских могил, в которых обрели покой останки тысяч наших соотечественников.

Вошедших в город освободителей в 44-м встретило только тридцать человек из 100 тысяч проживавших до войны. Не разрушенными в Керчи было около 15% зданий.

Со злодеяния, совершённого на территории Багеровского рва, где было уничтожено 7000 мирных керчан, начала свою работу Со-

ветская комиссия по расследованию преступлений фашизма, чьи материалы звучали на Нюрнбергском процессе.

Героизм Керчи — в нашей памяти, в наших сердцах, в строках нового сборника. Никто и ничто не должно быть забыто. Мы не позволим продажным душонкам переписать нашу историю. Эта книга — дань памяти и вечной славы героям Великой Отечественной войны.

*Председатель Керченского
городского совета*

Л.В.Щербула

**ББК
П**

Литературно-художественное издание.
«Пламя Вечного Огня» Сборник произведений керченских авторов. «КГЛито «Лира Боспора» - 2015 г., ... с.

Составители сборника: Марина и Сергей Молодцовы
Фото: Людмила Бахарева; фотоархив периода ВОВ.
Вёрстка, макет, дизайн: Татьяна Левченко
Сборник издан в авторской редакции

Издано по инициативе
**Керченского творческого объединения
Союза русских писателей Восточного
Крыма**

При финансовой поддержке
**Керченского
отделения партии
«ЕДИНАЯ РОССИЯ»**

ISBN

© «КГЛито «Лира Боспора» 2015 г.

*«...А в Вечном огне видишь
вспыхнувший танк,
Горящие русские хаты,
Горящий Смоленск
и горящий рейхстаг,
Горящее сердце солдата...»*

(Владимир Высоцкий «Братские могилы»)

ЧАСТЬ 1

ПОЭЗИЯ

Лариса Алексеева

член МСПК

ВETERАНЫ

Ветераны, друзья дорогие,
Как нам хочется с вами дружить
И к ногам вашим, наши родные,
Все на свете награды сложить.

Драгоценней алмазного фонда
Ваших душ побеждающий свет.
Вы живите ещё долго-долго,
Окончания подвигам нет.

Вы достойный пример человека
Посреди тяжелейшей войны.
Ветераны, вам в жизни полвека
Часто снятся военные сны.

Снится берег и волны морские,
И десант, и осенний рассвет,
Украины дороги, России,
И ребята, которых уж нет.

В жизни выпали вам не свиданья,
Не свирель соловья в ту весну,
А такие судьбы испытанья,
Десять жизней вместились в одну.

Вдруг случится година такая,
Повторить мы ваш подвиг смогли б?
Увидав вас, мы шапки снимаем,
Низкий, низкий поклон, до земли.

Люди, мир от врагов берегите,
Пусть не будет пожаров во мгле.
Каждый воин, как ангел-хранитель,
Охраняет покой на земле.

Вспомнив молодость, дни боевые,
От волнения слёзы из глаз.
Вы защитники наши родные,
Что б мы делали в жизни без вас?!

Злата Андროнова

член МСПК

* * *

Самолёты еще садились,
И с кучмами еще братались,
И совсем никуда не годилось,
О чём во дворе шептались,
Вообще ничего не важно —
И совсем ничего не брезжит,
Нам бы только ковать бумажки,
Нам бы только копить железо.

Необъятные стены ставились,
Телящики мовой скалились,
По живому, святому, последнему
Перемалывали поколения,
На корню подрезали память.

Под обложкой российской прячу
Свой постыдный хохляцкий паспорт
С гимном посланною удачей.

Ну а наши? — у них Чечня,
И дефолт, и раздор, и смута,
Им и вовсе не до меня,
Им самим бы себя распутать.

Ну а наши? — А ничего...
Посмотри-ка: в Сирию влезли,
Космос, атом... а до того
Под Тбилиси пришло железо...

Самолеты уже садятся
На оставленный гнилью берег,
Нами, кажется, вновь гордятся,
В нас, похоже, опять поверили,
Наши кинулись нам на помощь,
Наши вспомнили имя-отчество,
На отчаянное: а можно ли? —
Наши тихо спросили:
— Хочется?

Татьяна Анисимова

БЫЛА ВОЙНА

Ей двадцать не было ещё,
Когда остановился счет:
Она для жизни расцвела,
Да вот беда-война пришла!
И он был юн, отважен был,
И всей душой её любил,
Но в бой Отчизна позвала
И он ушел-война была!
В боях мечтал о встрече с ней,
Хотел назвать женой своей,
Но пуля-дура не видна —
Любви завидует война!
Она носила в медсанбат.
Войной отобранных солдат,
И вдруг всё скрыла пелена —
За милосердие мстит война!
Лежат они в земле сырой
Под общим именем «Герой» —
Их повенчала тишина...
Была война, была война...

Константин Артёмин

член «КГЛито «Лира Боспора»

* * *

Спустившись с Космоса на Землю,
Я голосу Отчизны внемлю...

Керчь — это город-герой,
Город, стоявший горой
За долгожданный момент
Обретенья Свободы!
Сильная, гордая Керчь!
Ты, как воинственный смерч,
Против фашизма была
В наши славные годы!

Благословляю тебя,
Страстно, до боли любя
Сущность твою,
Неподвластную чуждым стихиям.
Я восхищаюсь тобой,
Истинный город-герой,
И о тебе, город мой,
Сочиняю стихи я.

Ритм этих слов, этих строк
Нынче диктует мне рок.
Нет, я совсем не пророк.
Просто городом этим

Я постоянно горжусь.
Но необъятная грусть
В сердце моём
От кровавых побоищ столетий.

Светлой надеждой живу
В снах и, всегда, наяву,
Что все кошмары войны
Повториться не смогут.
Пусть будет мир на земле.
Мир - это светоч во мгле —
Это надежда, опора,
Удача, подмога.

Пусть пребывает успех
В душах и разумах всех
Смелых людей,
Защищавших любимый мой город.
И ветераны войны —
Яркие звёзды страны,
Дарят нам свет
Сквозь угар мирового простора.
И молодёжь, вопреки
Бурным течениям Реки
Жизни, не знающей
Правил ведения боя,
Вырастит в чистых сердцах
Силу, поправшую страх
И многоглавого Змея
Тоски и застоя.

Мы поклониться должны
Вам, ветераны войны,
Самые смелые,
Самые мудрые люди.
И пожелать вам побед
На протяжении лет
Долгой, счастливой Судьбы,
Состоящей из судеб.

Керчь — это город-герой,
Город, стоявший горой
За долгожданный момент
Обретенья Свободы!
Сильная, гордая Керчь!
Ты, как воинственный смерч,
Против фашизма была
В наши славные годы!

Елена Бондаренко

член СРПВК

КЕРЧЬ

Жемчужина в Боспорском царстве
Керчь-Дева — Бог тебя хранит.
Как птица Феникс возродилась
Из пепла выросстал гранит.
Рожила ты легенды, мифы.
Грифон сберёг богов тайник.
А сколько бед пережила ты?
Но город выжил, не поник.
Он помнит варварские латы,
Снарядов взрывы, стоны, крик.
Спят мертвым сном в земле солдаты,
Там вдовьих слёз течет родник.
Не суетливый, величавый
Средь двух морей ты господин!
И так, как любят Керчь керчане,
Нет и сравненья — ты один.
Горжусь тобой, лелею, славлю,
Смывая пыль с твоих седин.
Будь вечно юным, город славы
Родная Керчь, сияй! Живи!

Евгения Бурова

член СРПВК

УКРАИНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Смута и страх
Поселились в домах
Граждан страны Украина.
Одесса, Луганск,
Донецк и Славянск...
Вам родина стала чужбиной.

Ложью страна
Поражена,
У власти драконьи повадки.
Дельцы за народ
Всё решили, и вот
Фашизм здесь наводит порядки.

Как видим, живой
Кровавый герой.
Легальна его дубина.
Идёт напролом,
Сжигает живьём
Граждан твоих, Украина.

Бьёт церковь в набат:
Спаси своих чад -
Зомби расправа жестока;
Услышь, о Творец,

Биенье сердец
Повстанцев Юго-Востока.

Российский наш Крым
Был Богом храним,
Но братья страдают и ныне.
И молимся мы:
Спасенье от тьмы
Пошли, Господь, Украине!

ИХ ВЫСОКАЯ МЕЧТА

*Поколению, пережившему
Вторую мировую войну,
посвящается*

Отгремели бои за Отчизну
И победный салют отсверкал,
Шли тернистой тропой к коммунизму,
Свято верили в свой идеал.
Расцветала страна, но к несчастью,
Сговор туч над собой не учла.
Разыгрались страстишки и страсти.
И до слёз не хватает тепла.
Что награды? Для них ли трудились
День за днём, от зари до звезды?
Только б дети отцами гордились,
Только б внуки не знали нужды.
Только б были разумны, здоровы
И пред силой не падали ниц.
Только б гидра фашистская снова

Не посмела нарушить границ.
Ах, тревоги! Как змеи в постели.
Ах, душа! Продержись до утра.
Только б внуки построить сумели
Царство мира, любви и добра!

ПУСТЬ МИР СПАСЁТ ЛЮБОВЬ

Нашла коса на камень —
И бесятся князья.
Нашла коса на камень —
И ссорятся друзья.
Нашла коса на камень —
Меж братьями война.
Нашла коса на камень —
И рушится страна.
Вражды бушует пламень,
Мрачнеют небеса.
В огне и твёрдый камень,
И острая коса.
Но вновь мы что-то делим
Между собою, брат.
Мне ль не понять, тебе ли,
Кто в ссоре виноват.
Командовать привычка,
И зависти злой бес!
Тут только чиркнешь спичкой —
И пламя до небес.
Не стройте счастье на крови —
Закон нам свыше дан.

От ненависти до любви.
Пусть бурный океан,
Но душу можно ль продавать,
Прельстясь златым тельцом
И, власть присвоя, презирать,
Что создана Отцом!
Невинной кровью Сатана
Питает чью-то спесь,
А дети плачут: «Стоп, война!
Остановите месть!»
Нас, как подопытных щенков,
Стравить всё норовят.
Но жить под толстым каблуком —
Не лучший выбор, брат.
Коль пелена в твоих очах,
Но боль в душе твоей,
Навстречу свету сделай шаг,
Пожалуйста, прозрей!
В раздоры, хаос, пересуд
Ввергают неспроста,
Но дай им шанс, и мир спасут
Любовь и доброта.

Алексей Вдовенко

член СРПВК, МСПК

ФРОНТОВИК

Продали давно и Ленина,
И партию вместе с ним.
А новые поколения
Живы, конечно, другим.

Весь мир захватили «сникерсы»
Обёрточной мишурой.
А дедушке снятся «Юнкерсы»
В небе над «Курской дугой».

Так горько от всякой сволочи!
(Сволочи, ох, немало!)
Но горше горчайшей горечи —
Гибель всех идеалов.

Да, чем нынче от боли киснуть,
Скакать на одной ноге,
Не лучше ли было погибнуть
Под «тигром» на той дуге?

Но жизнь свою не выбирают.
Её не вернёшь назад.
Дед, прости нас! За что? Не знаю...
Ты — настоящий солдат.

АПРЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Дымились горечью руины,
Витала смерти злая тень.
Ещё не раз взрывались мины,
Но наступил апрельский день.

На крыльях радостной свободы
Он был над Керчью вознесён.
И забывались все невзгоды
В победном зареве знамён.

О МИРЕ

Наш мир прекрасней всех иных миров,
Особенно в последней трети лета,
Когда природа щедростью даров
Венчает август, следуя приметам.

Бодрящий воздух, будто эликсир,
Изнежен слух пчелиным мерным гулом.
Подумать страшно: кто-то этот мир
Подвергнуть хочет ядерным разгулам.

Конечно, это — разума ушиб.
Но как о том предупреждают зримо
Невадских полигонов чёрный гриб
И траурные тени Хиросимы.

Предупреждают скопища ракет,
Громады бомб сознание тревожат.
Пока что в нашем мире мира нет.
А значит, и покоя быть не может.

ОТЦУ

О войне не по книгам я знаю.
Ты, отец, сам её пережил.
Расскажи про Девятое Мая,
О солдатском пути расскажи.

Мы с тобою за правду в ответе,
И беречь её выпало нам.
Я потом своим будущим детям
Твой подробный рассказ передам.

ПОБЕДА

Прочнее братства мир не ведал.
Единство спаяно войной.
Не все дошли до Дня Победы,
Не все вернулись в край родной.

И я скажу потомкам смело,
Что за Победы торжество
Вы всё отдали, что имели,
Впрок не оставив ничего.

И рядом с вами я шагаю,
Смотрю на ваши ордена.
Какая вам судьба большая
Была Историей дана!

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

Александру Бойченко-Керченскому

Беды не пожелай другому.
Прощаться с детством не легко.
Пришла война к родному дому.
Потом услала далеко.

И было голодно и горько
В австрийском чистеньком краю.
А по ночам всё снилась Горка,
Чтоб помнить родину свою.

Судьба хранила Саньку-мальчика
В крутом военном вираже.
Нашёл он клад — ценней Красавчика.
И этот клад — в его душе.

Для нас он — Шолохов и Зоценко,
Бальзак, доживший до седин.
В литературе много Бойченко.
Но Керченский у нас один.

август 2003г

ДЕДУШКИНА БЕСКОЗЫРКА

Я деда не помню. Он умер давно.
Как жил он? Одни лишь вопросы.
О нём я наверное знаю одно, —
Что был он военным матросом.

Суровые годы тонули во мгле,
Нужда и беда жили с нами.
Чтоб я появился на этой земле, —
Пришлось деду биться с врагами.

Война полыхала смертельным огнём,
От взрывов земля содрогалась...
Я деда не помню, но в память о нём
Его бескозырка осталась.

И пусть о войне мне расскажут враньё, —
Я, память о нём уважая,
Возьму бескозырку, надену её
На праздник — Девятого мая.

Владимир Володин

член «КГЛито «Лира Боспора»

СОН ФРОНТОВИКА

Нынче день по-праздничному солнечный.
Я надел парадный свой мундир.
Фронтовых друзей с сестричкой Сонечкой
В дом ко мне привел мой командир.

Помню, Соня, медсестрёнка милая,
Как из боя вынесла меня...
Благодарных слов достойной силы я
Не нашел до нынешнего дня.

Я щиплю гитару семиструнную
В том бою утраченной рукой...
Что же вы, друзья, такие юные?
Да и я сегодня молодой.
Выпьем же за встречу! Мы не виделись,
Почитай, уж шесть десятков лет.
Что не навестил, вы не обиделись?
Ведь могилой вам — весь белый свет...

Наливай, сержант, по полной кружке нам —
Фляга не записана в реестр.
И пройдемся в сквер, к театру Пушкина,
Где играет духовой оркестр.

К черту костыли! Ах, Соня! Сонечка...
Я с тобой танцую вальс-бостон.
А потом отпляшем лихо полечку,
Лишь бы не кончался этот сон!

Только б не кончался этот сон...

В МУЗЕЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Под холодным стеклом много медленных лет,
Будто кем-то случайно забытый,
Спит безвременным сном комсомольский билет.
Спит, жестокою пулей пробитый.

Юный воин его в блиндаже получал,
С торжеством, хоть и наспех немного.
Всю дорогу он сердцем билет ощущал.
Жаль, недолгой случилась дорога.

Я не знаю короче и ярче пути.
Он, как молнии высверк во мраке.
Им обоим судьбою судилось пройти
От окопа — до первой атаки.

Шёл в атаку билет, не страшась ничего,
Хоть в разрывах земля клочкотала.
Ведь впервые под тонкой обложкой его
Настоящее сердце стучало...

И сегодня билету в тиши вновь и вновь
Та атака смертельная снится.
И вскипает горячая юная кровь
На его пожелтелых страницах.

Фаина Дерий

член «КГЛито «Лира Боспора»

* * *

Сестре

Я помню «Родину» с плаката.
Она, как мать, звала на бой
И с вещевым мешком солдата,
Колонну танков, нас с тобой.

Ещё война была вначале,
Но похоронки уже шли.
И вдовы, губы сжав, молчали,
Не веря в то, что им несли.

А почтальоны виновато
Взгляд отводили поскорей.
И свет вечернего заката
Пылал багряностью своей.

Ещё мы долго помнить будем,
Как в репродукторе кричал
Сам Левитан: «С победой, люди!..»
А ветер ставнями стучал.

И всё в цветении кипело.
Вновь встречи, музыка и смех.
Как ликовало всё и пело!
И... слёзы на глазах у всех.

ТИШИНА

Мы как будто одни
Здесь сидим в тишине.
Всё затихло вокруг,
Всё безмолвно.
Мчатся ночи и дни
В свисте пуль и в огне.
Ждём победы, мой друг, безусловно.
Тишина, тишина...
Не нужна нам война.
Не нужна! Не нужна!
Жизнь важнее.
Мы с победой придём,
Хоть весь шар обойдём.
Стал дороже нам дом и милее.

Перед боем всегда
Тишина-тишина...
А над нами шатёр поднебесья.
Где-то мама одна...
Знаю: плачет она.
Где-то милое сердцу Полесье.
Как хочу я домой!
Я вернусь, мама! Верь!
Ты любовью своей охраняешь.
Встречусь скоро с тобой
Ты откроешь мне дверь.
Я не тот... Я — другой...
Ты узнаешь.

Вера Коваль

член «КГЛито «Лира Боспора»

АЛЮМИНИЕВАЯ КРУЖКА

В эти славные майские дни
Собрались за столом небогатым
Седовласые старцы, — они,
Как положено нашим солдатам,

Пили стоя из кружек своих,
Что в боях и походах помяты, —
За друзей, за ребят молодых,
Что погибли от фрицев проклятых.

Пили спирт, разбавляя слезой,
Обжигая охрипшие глотки,
Как когда-то сжигали махрой —
Словно там проползли самоходки.

Разве может сравниться стекло
С алюминием кружки солдатской.
Столько времени, горя прошло...
Было — капли делили по-братски.

За Победу, товарищ, нальём,
Горечь жизни, утраты изведав.
«День Победы» мы песню споём.
За Победу, друзья! За Победу!

ФРОНТОВЫЕ БОГИНИ

Девчонки, в бальных платьях белых,
Шагнули с выпускного на войну.
Вас было очень много — смелых,
Покинувших родную сторону.

Переодевшись в гимнастёрки
И грубые, большие сапоги,
Экзамен сдали на «пятёрки», —
На фронт ушли, не стряпать пироги.

Ушли девчонки в медсанбаты,
В радистки и зенитчицы пошли
И взяли в руки автоматы.
На фронте и любовь свою нашли.

Любимых и друзей теряли
И ненависть у вас была к врагам.
Богинями вас называли
И с нежностью, и с грустью пополам.

Ах, милые, Танюши, Вали,
Светланы, Маши — всех не перечеть.
И как бы вас, родных, не звали,
Земной поклон вам, женщины, и честь.

Пётр Котельников

член СРПВК

ПАРАД НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

ноябрь 1941 года.

Холод пробирает до костей.
Танцевала по Москве пурга.
Нет на Красной площади гостей.
Каждая минута дорога.

Заиграли звонкие куранты
Бой на Спасской восемь раз подряд.
Строятся кремлёвские курсанты,
Их сюда прислали на парад.

Чистый снег позёмкою струится,
Ополченцев замерли полки,
Тянут к Мавзолею свои лица,
Как щетина высятся штыки.

Конский цокот по брусчатке площади.
Раздаётся громкое «Ура»!
И Будённый на каурой лошади
Принимает праздничный парад.

Генерал Артемьев знак подал.
«Слушайте!» — воззвали медью трубы.
Сталин головою покивал.
Каменно лицо и твёрды губы.

Сталин с Мавзолея речь свою
Произносит медленно и внятно:
«Защищайте Родину в бою.
Враг отброшен должен быть обратно!»

По команде: «Смирно!» и «Отбой!»
Проходил на площади парад.
Шли войска отсюда прямо в бой,
А оттуда нет пути назад.

Враг силён, чего тут говорить.
Мы его к себе не приглашали.
Каждый третий из бойцов убит,
Но Москву, столицу, отстояли.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

Жития земного мало было —
Двадцать лет, два месяца и день.
Солнце ярко всё ещё светило.
В мир забвенья он ушёл, как тень.

Незаметно, не издавши звука.
Всё это реальность, а не бред.
Уходил ли просто или в муках?
Кто ответит? Очевидцев нет.

Что успел? Да ничего, пожалуй,
Время что ли было не такое?
Спрессовалось зло, его прижало,
Ускользнул куда-то в мир покоя.

Где его могила? Неизвестно.
Кто её найдёт? Кому искать?
Замужем давно его невеста,
В мир иной ушли отец и мать.

Что он видел? Не бывал в столице.
Глушь. Деревня. Перелески. Степь.
Не было нужды и торопиться —
Всё равно за жизнью не успеть.

Только стало что-то проясняться,
Вроде бы дороженька видна,
Как пришла повестка! Собираться!
На страну нагрянула война.

Был он добрый, умный, симпатичный?
Нам теперь ответ не получить.
Нет заслуг перед страной личных,
Он служил, как надобно служить.

Сведений никто не находил...
Может кто-то про него и знает?
Неизвестно, кто его любил...
Неизвестно, кто и поминает...

Юлия Котлер

член СРПВК

АНТИЧНЫЙ ПРОМЕНАД

Этот город меня не отпустит уже никогда.
Я его Персефона с гранатовым зёрнышком рая.
Но неволи счастливой своей я, увы, не предаю.
Не смогу улететь я, ведь крылья лишь здесь обретаю.

Город странен простым сочетанием ликов и лиц.
Он идёт под дождями эпох, лишь подняв выше ворот.
Раскопать сотни раз, разлюбить этот город смогли,
Но никто разгадать до конца не сумел этот город.

Чтоб гулять по нему, совершенно не нужно шагов,
Гравитации, обуви, точных маршрутов и гидов.
Я хожу в нём по памяти, в вымыслах мягких песков.
В вечном городе солнца царят измеренья другие.

Вот на ощупь бреду в ослепляющей мгле перемен.
Вижу мрамор положенный прямо на плечи титанов,
Погребённых под пылью бывшего в языческой тьме,
Но среди хладнокожих витрин оживающих тайно.

Проглянула луна средь кисейного сна облаков.
Золотые блестящие латы Афины к лицу ей.
И акации, будто бы призраки древних богов,
В белоснежных хитонах цветенья неслышно танцуют.

Бьётся море во мгле, притворившись лазурным плащом,
За плечами печальной и вечной, как музыка, церкви.
Грим смывает сорвавшийся дождь с Мельпоменовых щёк,
И трёхглавый фонарь сторожит царство ночи, как Цербер.

Всюду маски мерещатся, пляшут сатиры в траве,
Там, где звёзды упавшие, стали давно светлячками.
И невидимо-капля за каплей-упрямствует век,
И усердно и праведно точит истории камень.

Зарождается солнечный день в лозах улиц слепых,
Как вино, что на яркие праздники выпито будет.
И с изящных сандалий стряхнув странствий пёструю пыль,
Алокудрое утро заспавшийся город разбудит.

Я оставила компас сомнений в холодном вчера.
Только здесь и сейчас! В этом городе, в этом столетье!
Как и прежде несут колесницу земли до утра
Дымогривые кони, под свист обезумевшей плети!

Елена Лапченко

член «КГЛито «Лири Боспора»

МОЙ ДЕД

Сквозь сеть невидимых преград,
Под колоколом неба —
Я вижу, как упал солдат,
Тот, что мне станет дедом.

Вставай, солдат, взглядись скорей.
Наш род полвека ждёт!
Но в поле, где полынь, пырей,
Ты пулей пригвождён...

Спешу скалистою тропой,
К тебе я поклониться.
Из твоей ли каски боевой,
Глянь, стрепет пьёт водицу!

Осколки, гильзы с давних лет
Ржавеют до сих пор —
А может, это ты, мой дед,
Врагу здесь дал отпор?
Но знаю я — в сынах моих
Твоя отвага, стать.
Я верю: смогут и они
За Русь Святую встать!

Татьяна Левченко

член СРПВК, МСПК

* * *

Девчонка вспомнилась одна:
С улыбочкой ехидной
Бросала дедушке она
Слова, обид обидней.

Мол, понапрасну проходил
Военные он тропы.
Когда бы Гитлер победил, —
Мы были бы в Европе!

Мы в Риме бы ловили кайф,
Обедали — в Париже...
Читала б девочка «Mein Kampf» —
Была бы к правде ближе.

Иные б мысли породил
Сей труд (в мозгах — не в попе!):
Когда бы Гитлер победил,
То не было б «Европы»!

ВОЕННЫЕ ОРДЕНА

Звучит всё отдалённой канонада
За плотную завесою годов.
Вновь надевают ветераны для парада
Сияние военных орденов.

Не лечит время памяти их раны,
Хоть слышат они мира тишину.
И вечно будут видеть ветераны
В тревожных снах минувшую войну.

И пусть звучит всё глуше гул сражений
За плотную завесою годов,
Но с каждым годом строже и священной
Сияние военных орденов.

МИНУТА ПАМЯТИ

Звоните все колокола!
И вдруг — замолкните все разом! —
Минута Памяти пришла.
Той Памяти, что в горле — спазмом!

Нет этой Памяти светлей,
И нет ужасней во Вселенной:
В ней миллионы всех смертей
Вздываются толпой нетленной!

Пусть будет в мире тишина:
Минута Памяти настала.
Она в сердца к нам снизошла,
Богиней Скорби, с пьедестала.

Сердца, как колокольный звон,
Стучат в груди детей и дедов.
Великой Памяти закон
Вступает в силу в День Победы.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Мирных залпов цветная тень
Опадает дымком на травы.
День Победы — контрастов день:
Смех и слёзы, салют и траур.

Наши семьдесят мирных лет
Из сердец не уносят наших
Тех, кого уже больше нет —
За великое счастье павших.

Снова Память в сердца стучит
Двадцатимиллионным набатом.
Этой Памяти не изжить,
Эту Память храним мы свято.

Эти семьдесят мирных лет
Нам подарены миллионами
Тех, кого уже больше нет,
Тех, кто рядом живут — безмолвными.

Пробудитесь, очнитесь, сердца!
Сколько душ среди нас израненных:
Потерявшие мать и отца
Бесфамильные, Беспрозванные...

Пусть же Памяти нашей свет
Не оставит ничьих рыданий:
Наши семьдесят мирных лет
Были страшной оплачены данью.

В день Победы — контрастов день —
Смех и слёзы, салют и траур.
Мирных залпов цветная тень
Опадает дымком на травы.

Владимир Лосев

член СРПВК

ИХ ИМЕНАМИ

Где гуляют сквозные ветры,
Боль земли где еще свежа,
Той земли не отдав ни метра,
До сих пор солдаты лежат.
До сих пор их помнят и любят,
До сих пор их ночами ждут.
Дует ветер и сушит губы,
А сыны домой не идут.
Видно, очень в пути устали,
Били ветры стальные в грудь.
Нет, не мёртвыми наземь пали —
Прилегли отдохнуть чуть-чуть.
Обняла их земля родная, —
Сыновей своих и солдат,
Возле сердца маки пылают,
В изголовье дубы шумят.
Да еще от полыни горькой
Степь седеет. Молчит и ждёт.
А под звёздами у пригорка
Спят солдаты который год.
Называем их именами
Наши улицы в городах...
Обелиск. И вечное пламя —
Жгучей памятью сквозь года.

МОНОЛОГ СОЛДАТА

Когда звезда моя созреет
И тихо наземь упадёт,
Немного в мире потемнеет,
И станет мир уже не тот.
В нём что-то, может быть,
качнётся,
Сместится что-нибудь слегка,
И к равновесью вновь вернётся,
И поплывут опять века.
Но для меня уже немые:
Ни звук, ни крик не долетит,
И, надо мной склонясь, живые
Цветы положат на гранит.
Я перейду в ручьи и травы,
В сердца другие перейду,
Но если снова в миг кровавый
Я буду нужен — я приду.
Пусть позовёт меня лишь только
Земля моя, моя страна —
Я встрепенусь на светлой зорьке,
Свои припомню имена,
И для земной своей юдоли
Восстану снова, многолик...
И пусть я встану лишь для боли,
Пускай воскресну лишь на миг,
Под свист стальной над головою
На смерть пойду я вновь и вновь
За то, чтоб небо над землёю
Багрили зори, а не кровь.

ТЯЖЕЛА БЫЛА ВОЙНА

Тяжела была война —
Чаша горечи без дна,
Всем пришлось хлебнуть оттуда
Горя горького сполна.
Сколько пройдено путей,
Сколько видано смертей!
Те, кто выжил, понимают:
Не вернуть назад друзей.
Не вернуть друзей назад —
Обелиски говорят,
И на кладбище военном
Пирамидок белых ряд.
Ветераны той войны.
Как беречь мы их должны!
Тех, кто был тогда надеждой
Всей израненной страны,
Кто спасал нас от беды,
От огня и от воды...
С каждым годом всё труднее
Им смыкать свои ряды.
Но они еще в строю,
Как в последнем том бою,
По осанке и походке
Я их сразу узнаю.
...Тяжела была война.
Горе выпито до дна.
Но стоит у обелиска
В карауле тишина.

У ПАМЯТНИКА ПОГИБШЕМУ ВОИНУ

— Ты слышишь?

— Да, слышу.

— Ты видишь?

— Да, вижу.

— Ты помнишь?

— Да, помню.

Этого мне никогда не забыть.

Вы, может быть, думаете, что легко мне

Память о прошлом хранить?

Ненависть в сердце застыла камнем,

И в камне взошёл я на пьедестал,

Но как я каменными руками

Оружие мести держать устал!

Послушайте вы, сюда приходящие,

Как громко сердце моё кричит:

«Дайте мне руки, глаза настоящие!

Снимите с меня тяжёлый гранит!»

Я с плеч своих сброшу его обломки,

Выжгу из сердца прошлого след,

И вновь посмотрю на дела потомков

Глазами своих восемнадцати лет.

Как мне хотелось бы вместе с вами

Надеяться, верить, жить и любить...

Очень трудно закованным в камень

Скорбную память в себе хранить.

Давно мои сверстники стали взрослыми,

Повторяют другие юность мою,

Я же под вечнозелёными соснами,

Сжимая оружие в руках, стою.
И вы, в лепестковой весенней замяти
Молчаливо стоящие предо мной,
Возьмите с собою частицу памяти,
Чтоб миру вновь не пылать войной.

ЧАЙКИ

Чайки кружатся над морем.
Солнце, небо, даль.
Крылья в горестном изломе,
В голосах печаль.
Словно души здесь погибших
В яростных боях
Всё летают над волнами,
Презирая прах.

Через годы, через дали
К нам они летят, —
Чаек белыми крылами
Душу бережат.

Марина Молодцова

член СРПВК

ПЛАМЯ ВЕЧНОГО ОГНЯ

Никогда не померкнут мгновенья
Незабвенного майского дня.
От поколенья к поколенью —
Эстафета живого огня.

Пламя памяти неугасимо, —
Это радость, и боль, и печаль.
Время движется неумолимо,
Пламя ветром уносится вдаль.

Но прорвётся сквозь толщу столетий
Очищающий Вечный огонь,
Чтоб напомнить всем людям на свете:
«Ты Святое и Память не тронь!»

День Победы забвенья не знает.
И тебя, и его, и меня
Защищает и возвышает
Яркий отблеск святого огня.

ДЕТСТВО МОЁ БОСОНОГОЕ □

Детство моё, босоногое...
Ниточки памяти трогаю.
По ускользящей радуге
В годы прошедшие падаю.

...Бедненько, скромненько, голодно,
Осенью позднею холодно.
С жнивья колоски собирала,
В ладошках замёрзших сжимала.
Вот они — зёрнышки радости,
Они заменяли нам сладости.
Так вот где все наши истоки, —
У детства брала я уроки.
Чтоб в жизни чего — то добиться,
Как рано пришлось нам трудиться.
Ах, послевоенное детство:
Опасных предметов соседство.
Мальчишки патроны взрывали,
Которые их убивали.
Ах, милые детские годы, —
Ушедшие вдаль пароходы.
Они никогда не вернуться,
С грустинкою, лишь, улыбнутся
И детской помашут рукою...
Слезы набежавшей не скрою.
За слёзы не надо стыдиться:
Нам стоило, всё же, родиться!

ЭТО БЫЛО

Хоть дитя войны — войну не помню, —
За год до Победы родилась.
Памятью других пробел восполнен
И душа, как чаша, налилась...
Кинофильмы, очевидцы, книги

Не дают спокойно мне уснуть.
Всенародной памяти вериги
Позволяют прошлое вернуть,
Чтоб оно напомнило о горе,
Бесконечном горе матерей,
Покидавших с семьями подворье
Под прицелом полчища зверей.
Да! Зверей — жестоких, алчных, диких,
Что могли отрезать руку, грудь,
Что могли и с хохотом, и с гиком,
Животы беременным проткнуть...
Это было! Времена не спишут!
И прощения такому нет!
Голоса погибших слышу свыше:
«Донеси! Исполни этот наш завет!»
Это было! Но оно вернулось
В облике коричневой чумы.
Чудище нацистское проснулось.
Встаньте, люди! Под угрозой мир!

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО КИЕВУ

Забвенью можно ли придать,
Забыв священный День Победы
И сердцу приказав молчать —
Забывать, что мир в войну изведаль?

Такое могут лишь враги
И оголтелые нацисты.
Прошу я Бога: «Помоги!
Подняли голову фашисты!»

В какой же надо бить набат,
Чтобы сознание проснулось?
Неужто мало тех солдат,
Что полегли и не вернулись?

А миллионы в тех печах,
Что превратились в горы пепла?
Развеян над землёй их прах...
Вы в Киеве, там, все ослепли?

Не видеть прошлого повтор.
За что так русских ненавидеть?
Позор! Неслыханный позор!
Под танками людей не видеть,

Хатынь в Одессе повторить,
Цинизмом прикрываясь узким
И в террористов превратить
Всех тех, кто говорит по-русски.

Не видеть собственных корней,-
Мы столько лет все были вместе!
А у «обкуренных» парней
Давно нет совести и чести.

Готовы уничтожить свет
В защиту собственных амбиций.
О дружбе больше речи нет.
Надели ненависть на лица.

Кумиры с Запада идут,
Готова Украине тризну.
В оборонительный редут
Вы превращаете Отчизну.

С чужого примерять плеча,
Заокеанские одежды...
«Не превращайтесь в палача!» —
В сердцах людей горит надежда.

Василий Жестеренко

член «КГЛито «Лира Боспора»

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ДЕДА

Вновь ожил под ключицей
Осколок роковой.
У деда есть частица
С последней мировой.

Туда, где обелиски и венки,
Уходит и уходит поколение. —
Великие фронтовики —
Кто с той войны принёс спасение.

Им раны всё больнее по ночам.
Война всё чаще рвётся в сновидения.
Всё чаще обращаются к врачам.
Спасителей спасите, ведь — последние.
Война для них не кончилась.
Вослед она идёт.
Мой дед от боли корчился,
Во сне крича: «Вперёд!».

И будет миг, когда в последний раз
Поток потомков вспенится венками
За кораблём последнего из вас,
Всплывающим над головами.

Над временем, над войнами, потерями,
Над веком, наглотившимся крови —
Последний представитель поколения —
Последний долгожитель-фронтовик.

Он унесёт под сердцем
Осколок роковой.
А, может, и — спасение
От новой мировой.

Туда, где обелиски и венки,
Уходит и уходит поколение. —
Великие фронтовики.
Спасителей спасите: ведь последние.

ЖИВ ОТВЛЕКАЮЩИЙ ДЕСАНТ

Жив отвлекающий десант.
Их пятеро в траншее глиняной.
Азов ноябрьский за спинами.
Их пять, а значит — пятьдесят.

Хоть сорок пять — лицом в песок,
Похожи на живых убитые.
Пускай гадают немцы издали:
Дивизия там или полк.

Жив отвлекающий десант.
И к высоте не подступиться.
Их трое, но пасуют фрицы.
А в спину им — другой десант.

... Окурок потушил старательно.
Родное вспомнилось лицо.
Как обручальное кольцо
Сержант зажал кольцо взрывателя.

Жив отвлекающий десант! —
Так скажет генерал Аршинцев,
Когда издали услышит
Как подорвал себя сержант... —

Последний из траншеи глиняной.
Мир не узнает его имени.
Но пятеро — за пятьдесят!

Я там стоял в степи над плитами,
На месте той траншеи глиняной,
Где текст цветами прорастал:
Жив отвлекающий десант!

РИСУНКИ АДЖИМУШКАЯ

Аджимушкаяская каменоломня.
Воспоминаний каменный мешок.
Черкни вот здесь, и, сколько б ни прошло —
Потомкам стены о тебе напомнят.

Среди иных картинных галерей
Подобное вы видели едва ли:
В километровом каменном подвале —
Рисунки катакомбовских детей.

Вдоль штольни, как вагонные оконца.
Шел поезд в рай, но двигался в аду.
Одну деталь, одну лишь приведу:
Я ни в одном из них не видел солнце.

Рисунки катакомбовских детей.
Сюжеты, лица втиснуты в оконца.
Победный поезд побывал везде.
Вот только в повесть не светило солнце.

И в мире нет подобных галерей —
С по-детски жуткой точностью эмоций.
Рисунки катакомбовских детей,
Где — ни в одном рисунке — нет солнца.

Нарисую войну, унесу в тишину.
Чтоб ей каменный холст — и ни солнца, ни звёзд.
На потеху мужчин призывалась война.
В катакомбах кричит о войне тишина.

Солнца нет у войны.
Солнца нет у войны.

Леонид Панин

член «КГЛито «Лира Боспора»

ДЕСАНТУ ОГНЕННОЙ ЗЕМЛИ

Из 9418 человек десантников, до Митридата дошли только 1440 бойцов. Героем Эльтигена стал каждый 70-й, каждый 5-й оставил свою жизнь на огненном «пяточке» площадью в 4 кв. километра...

Дан приказ — прорваться к Эльтигену
Под прикрытием дьявольской ночи.
Шел десант морской, взбивая пену,
К берегам израненной Керчи
Ветер выл и мачты гнулись косо
И стонали в море корабли.
В бой ушли десантники-матросы
Сквозь заслоны Огненной земли!

Шторм ревел и бой свистел картечью
На плацдарме с раннего утра.
И рвануло над вечерней Керчью
Словно взрыв гвардейское «Ура»!
Здесь волна, окрашенная кровью,
Нам печально плещет за бортом,
А в земле, слезой омытой, вдовьей,
Спят бойцы-герои вечным сном.

На седой вершине Митридата
Потянулись руки к козырькам,
Чтоб почтить погибшего солдата,

Честь отдать героям-морякам.
Серебром покрыл ковыль воронки,
Седина осела на висках.
И давно истлели похоронки
В материнских высохших руках.

ЦВЕТЫ ПОД ЗЕМЛЁЙ

В Керченских катакомбах, под землей, в братской могиле похоронены несколько тысяч бойцов и командиров Красной Армии, оборонявших 170 суток под-земный гарнизон...

Под землëю цветы не растут
И слепые дожди не приходят,
Под землëю последний приют
Одинокие души находят.
Под землëю, в глухой пустоте,
Где холодная смерть обитала,
Молчаливо лежат в темноте
Лепестки на плите пьедестала
Где войной земля
Обескровлена
И полынь-трава
Горем вскормлена,
Там седой солдат
Отыскал покой
И с войны назад
Не пришел домой.
Не пришел солдат
На родной порог,

И цветы лежат
У солдатских ног,
Под сырой землёй
Обескровленной,
Под полынь-травой
Горем вскормленной.

Под землёю не вянут цветы,
И своих лепестков не теряют,
И на ложе гранитной плиты
Вечным сном в тишине засыпают.
Словно сердцем пролитая кровь,
И весною, и солнечным летом,
Вновь ожившие души цветов
К небу тянутся маковым цветом

Где войной земля
Обескровлена
И полынь-трава
Горем вскормлена,
Там седой солдат
Отыскал покой
И с войны назад
Не пришел домой.
Где войной земля
Обескровлена
А полынь-трава
Кровью вскормлена,
Не стоят кресты
Вдоль кривых дорог —
Там растут цветы
У солдатских ног.

Елена Рабочая-Маринич

член «КГЛито «Лири Боспора»

* * *

На улице холод и грязь. Темно
И дождь. И вообще жуть.
Но, слава Богу, что есть оно,
На целом свете всего одно
Окно, за которым меня ждут.
Пусть даже за полночь, — всё равно
Мне будет светить оно.
Пусть даже писем не шлю давно,
Мне будет светить оно.
И, Господи, сколько же это лет,
Счастливых и трудных лет,
Настольной лампы неяркий свет,
На фоне штор силуэт...
Когда одиноко, когда беда,
Когда в душе холода, —
Всегда я буду спешить сюда,
Где, знаю я, ждут всегда.
В любую из самых жестоких смут
Со мною здесь погрустят,
Меня утешат, меня поймут,
А коль виновна — простят.
И станет легче наверняка,
И сброшу усталость с плеч.

И это будет вечно. Пока
Есть, кому свет зажечь...

Виолетта Руденко

В СОРОК ПЕРВОМ ДАЛЁКОМ ГОДУ...

В сорок первом далёком году
Отшумели балы выпускные
Под поющий в мажорном ладу
Колокольчика школьного звон.
А наутро мальчишки на фронт
Уходили, совсем молодыми,
Не испившие ласковых
девичьих губ
И без чинных солдатских погон.

На давно пожелтевших листах
Почерк ровный и круглые буквы:
«Пусть хранит тебя Ангел в боях!
Я скучаю и жду, мой родной!!!
В светлых грёзах и ласковых снах
Я твои рядом чувствую руки,
Вижу тёмную родинку,
милую сердцу
Над по-детски припухшей губой!»

Припев:

Где же ты, мальчик мой любимый!
Как я ждала! Не дождалась....
Где и в каком краю могила,

Та, где теперь напишешь власть???
И расцветает куст сирени,
Там, где склонившись на колени,
У безымянной колыбели
Плачет
чужая мать.

Ты возвращайся, мой солдатик,
Хоть на один короткий миг!
Если б сумел меня сосватать
Юный и Вечный мой жених!!!!
Веру в Любовь храню я свято,
Чтобы в Победном сорок пятом
Вальс на простом полу дощатом
Я станцевала
за двоих!

Помню я, как в далёком году
Отшумели балы выпускные
Под поющий в мажорном ладу
Колокольчика школьного звон.
И в притихшем саду городском
Звуки вальса, до боли родные,
Надо мною летят
белоснежностью птиц
В небе солнечном и голубом!

ЦВЕТА КРОВИ ТЮЛЬПАНЫ...

*Памяти павших в Великой Отечественной войне
посвящается*

*Где шумит седой ковыль в степи туманной,
Где кричит ночная птица в тишине,
Расцветают в мае красные тюльпаны
В память тех, кто жизни отдал на войне.*

Каждый год они весной, взглянув на небо
Льют на землю лепестков густую кровь,
Согревая всех давно ушедших в небыль,
Скорбной линией, застыв на изготовь...

Капли крови в тюльпанах —
Это память о тех,
Кто от выстрелов странно
Грудью падал на снег...
И в пробитых шинелях
Насквозь пулей шальной
Беззастенчиво рдели,
Прорастая весной.

Цвета крови тюльпаны —
Как заря над землёй,
Там, где старые раны
Затянулись травой...
Им, ушедшим так рано,
В мир, где правит покой
Возлагаем тюльпаны
На могилы весной.

Вы не плачьте, тюльпаны,
На могилах солдат!
Здесь покоятся с миром
Дед, отец мой и брат!!!
Не смогли вы их жизни
До Победы сберечь...
От рожденья до тризны
Вы сражались за Керчь.

Среди трав да бурьяна
Там, на передовой,
Смертью храбрых тюльпаны
Пали ниц под горой...
И в глазах ветеранов,
Тех, кто вспомнили бой,
Цвета крови тюльпаны
Заалели слезой.

С чёрной линией рваной
В сердцевине больной
Облетают тюльпаны
Цвет, роняя слезой.
И под звуки баяна,
И под вальс фронтовой,
Вам, отцы-ветераны
Их поклон неземной...

Где шумит седой ковыль в степи туманной...

Валентина Емашная

член «КГЛито «Лири Боспора»

КЕРЧЬ

Слово Кер-р-р-рчь — как скрежет металла,
Как скупой песок на зубах,
Что жестоким норд-оста шквалом
Поднят был на морских берегах

Над столицей Боспорского царства
Племена кочевые как, смерч
Пронеслись...
Может быть в диком крике хазарском
Родилось имя гордое — Керчь...

В этом слове я слышу крик чаек
Даже в дальней чужой стороне
Вижу белые доски причалов
По колено в солёной волне.

Бесконечную песней прибой
Море с берегом держит речь...
А мне слышится снова, до боли родное —
Тихим рокотом-шелестом — кер-р-р-ч-ч-ч-чь...

Любовь Тищенко

МАМИНА МОЛИТВА

На столе, перед иконой,
Тихо тлела свеча...
Мама била поклоны
И молитвы шепча,
Всё просила в мольбе,
Со слезой на глазах,
За людей на Земле,
Что тонули в грехах.
И просила ответить
На извечный вопрос:
Почему же на свете
Столько горя и слёз.
И молила, чтоб Небо
Не забыло про вдов,
Дав голодному хлеба
И бездомному кров.
Жили б дети без гроз,
В лоне мирной страны,
Чтоб не ведали слёз
И не знали войны.

Людмила Храмова

член СП России, СРПВК

МОЛЧАЛИВЫЕ ГЕРОИ

В танце Боттичелевом весна
Шествует по миру в пене кружев, —
Только вам, солдаты, не до сна —
Или снятся дни военной стужи.
Снова память возвращает вам
Дни сражений яростных и грозных,
Где делились честно — пополам —
Хлеб, снаряды, спирт и папиросы.
По ночам молились, кто как мог,
Хоть в молитвы верили не очень, —
Навсегда... прощались у дорог,
Многих не досчитывались к ночи.
И бывало дико — ведь вчера
Друг шутил — всегда был балагуром,
Так светло смеялся... до утра
Не дожил — шальная пуля-дура...
Всю войну ты бережно носил
Фотографию его жены и сына, —
Возвратить по адресу просил
Друг в село Покровское под Клином.
Сколько их, не вставших на крыло,
Сгинувших безвременно, безмолвно,
Сколько их — безусых — полегло
В Севастополе, Керчи, под Ровно...
Вы по праву золотой запас земли,

В адском пекле званье человека
Сохранили, внукам донесли, —
Как и мир — ему две трети века...

Без высоких слов и без бравад —
Разрешите преклонить колени...
Молчаливые герои — без наград
И безмолвные войны живые тени...

ЗА ЧЕСТЬ ОТЕЧЕСТВА

За честь Отечества сражались наши деды,
Спасая мир от смертоносной тьмы,
Великой кровью заплатили за победу,
Чтобы под мирным небом жили мы...

Но и доньше в каждом сердце русском
Живёт далёкая священная война...
На землю русскую врага не пустим,
И будет в мире жить великая страна...

Мы защитим своё святое право —
По-русски верить и по-русски жить:
По совести, по вере и по правде,
Без лести, без предательства и лжи...

В славянских душах память не угаснет,
В сердцах победы праведной салют,
В Одессе, в Новороссии, Донбассе
На брань опять герои русские встают...

За землю русскую идут на битву,
Светлы их лица, совесть их чиста —
В победу верят и на бой идут с молитвой
И со знамёнами Спасителя — Христа...

Святая память просыпается в народе,
Когда приходит роковой священный час,
И каждый, кто на Русь с мечом приходит,
Тот вечно будет гибнуть от меча...

ОПАЛЁННЫЕ ВОЙНОЮ

Осталась в памяти священная война —
Следы её хранят леса, поля и люди,
В сердцах живут погибших имена,
Святая Русь своих героев не забудет...

Стал победителем великий наш народ,
Смог защитить свою великую державу!
Во имя мира пусть в сердцах живёт
Оскал войны — смертельный и кровавый...

Своим Отечеством гордимся и людьми,
Пусть не грозит нам лживая Европа,
Мы в сорок пятом отстояли этот мир, —
Сегодня отстояли Крым и Севастополь.

Живём доньше, опалённые войной,
И память эту не стереть и не разрушить...
Чтоб никакое иго не нависло над страной,
Пусть будет вечной эта память в русских душах...

НОКТЮРН ПУСТОТЫ **(Там - на Западе...)**

Там — вырождения коварная печать,
Где рай когда-то был — и всё цвело и пело,
Отныне мир — немой и пустотельный,
Там всё в угоду вожделению и телу, —
Там не умеют не любить и не прощать...

Подменены давно обманчивостью месс
Молитвы сердца, погрузившись в темень...
Там тени бьются с призраками теней,
Там каждый делит жизнь свою не с теми,
С кем должен был бы по велению небес...

Там свет от тьмы не могут отличать,
Там неживая кровь течёт по венам,
И раем кажутся — просторы плена...
Там всюду запах пустоты и тлена,
Там каждый — сам себе — Калиф на час...

И предан только преданностью пленных...

МОЯ РОССИЯ

Мы учили войну наизусть,
Обгорелые снились березы,
Обгорелый рябиновый куст,
Чьи-то горькие-горькие слёзы...

И к душе подступали снега
Ледяною, зловещей порошей,
Как близка ты и как дорога,
Моя Родина — в горе дорожке...

Ждали долго победный май —
Затянулась военная выюга...
Что судьбою дано — принимай,
Русь моя — по несчастью подруга...

Помни горечь своих утрат,
Чтоб потомки войну не забыли,
Лица русских погибших солдат,
Что навеки в граните застыли.

Береги же своих сыновей,
Их сердца береги и седины,
Той победы священный свет...
Мы с тобой... Как всегда, едины...

Моя Родина, путь твой высок!
И удел твой трагичен и свят...
С нами правда и с нами Бог...
Верность русских твоих солдат...

Татьяна Царегородская

член Союза журналистов

СТАРЫЙ ГОРОД

У переулков мелочный характер,
Они сюда из прошлого ведут.
Дома, толпясь, как публика в антракте,
Машинам развернуться не дают.
Однажды заблудиться в этом месте,
Где солнце достается всем за так
И тишина в часы ленивой съесты
Нисходит в край непуганых собак.
Здесь ароматом праздности встречают
Акация, жасмин или сирень,
Листва, играя жаркими лучами,
В зеленый цвет окрашивает день.
И, на бегу остановивший время,
Эльфийский дух пронизывает кровь,
Даря покой, что безмятежно дремлет
В немом хитросплетении домов.
Блаженны отрешенные прогулки
В сопровожденье сонных облаков
Там, где с горы сбегают переулки,
Теряясь в бесконечности веков.

Михаил Чудновский

член «КГЛито «Лира Боспора»

ВОЙНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Война с фашизмом продолжается.
Борьба словесная идёт.
Добро со злом всюду сражается:
Немало тех, кто подло льёт
Бензин на угли безрассудства,
Что густо тлеют там и здесь.
Нашлись среди людей искусства
Забывшие про совесть, честь;
Талдычат ложь средневековую,
Злым мифам жизнь давая вновь.
А где ж разумное, толковое,
Где к людям, к Истине любовь?
Но, одолевши все преграды,
Она своё возьмёт. И вот
Народам главная награда:
На Землю вечный мир придёт!

ЧАСТЬ 2

ПРОЗА

Татьяна Ищук

член «КГЛито «Лира Боспора»

НЕГАСНУЩИЙ ПОБЕДЫ СВЕТ

Московская гимназия № 1522 в 2000 году к 55-летию празднования Дня Победы в Великой Отечественной войне выступила с инициативой реализовать в школе программу «Дорогая моя столица», посвятив ее знаменательной дате. К программе присоединялись ребята из других городов России, Беларуси и Украины, в том числе керченский лицей искусств. Затем движение продолжилось развитием последовательно разработанных и реализованных коллективом гимназии №1522 города Москвы и партнёрами программ гражданско-патриотического воспитания «Дорогая моя столица» (завершена в 2001 году), «Дорогами

славы отцов» (2001-2005 годы), «Академия детской дипломатии на пути к культуре мира» (2005-2015 годы).

В результате практически пятнадцатилетней работы сложилось гражданско-патриотическое движение педагогической общественности и школьной молодёжи, которое можно рассматривать как проявление гражданского общества. Одновременно это движение детской дипломатии и молодёжного парламентаризма, направленное на укрепление мира и толерантности. Участниками движения в настоящее время являются 26 образовательных учреждений из 22 городов 8 стран (Россия, Беларусь, Украина, Латвия, Эстония, Германия, Польша, Словения).

Движение основано на взаимодействии со школами-партнёрами, учащимися и их родителями, а также с местными органами власти и учреждениями культуры, спорта, досуга, другими организациями социальной сферы.

Керченский лицей искусств не только поддерживает тесные связи с московской гимназией, но и является активным и равноправным участником проекта «Академии детской дипломатии». Организация работы по гражданско-патриотическому воспитанию учащихся с учетом современных требований способствовала внедрению в практику новых форм вза-

имодействия: международные слёты, форумы, встречи, культурно-образовательные обмены, конкурсы, Интернет-конференции. Лицеисты принимали активное участие в слётах в Москве, Смоленске, Туле, Волгограде, Севастополе, Минске, Киеве.

И вот долгожданный слет в Керчи – «Негаснущий победы свет», посвященный 70-летию освобождения Керчи и Крыма от немецко-фашистских захватчиков! Несмотря на сложный переходный период, руководство лица искусств не отказалось от проведения слета, рассчитанного на четыре дня, каждый из которых насытили интересными, запоминающимися событиями.

Керчь встречала гостей жарким осенним солнцем и теплым морем. Для многих из них это было приятным подарком. Восемь городов делегировали участников: Москва, Мурманск, Санкт-Петербург, Смоленск, Тула, Волгоград, Новороссийск, Севастополь, а также приехала делегация города Нелидово.

6 августа утром в сквере Славы состоялось возложение цветов к Вечному Огню, в котором приняли участие представители городской администрации, ветераны, учащиеся, делегации городов-героев. После возложения на центральной площади – торжественное открытие праздника и слета городов-героев. В День рождения Керчи делегации прошли по

главной площади, с гордостью неся в руках таблички с именами своих городов. Ближе участники слета смогли познакомиться в актовом зале лица искусств, где состоялось представление делегаций, были показаны отрывки из документального фильма «Города-герои». После обеда началась экскурсионная программа, в первую очередь делегации спустились в холодные подземелья Аджимушкайских каменоломен. Эта экскурсия их потрясла, не оставив никого равнодушным. Руководитель делегации города Нелидово Иван Брюхнов сказал: «Та минута молчания, которую люди проводят в полной темноте, на глубине 16 метров, — ни одного движения, ни одного шороха, — помогает ребятам проникнуться и почувствовать, как можно было жить и работать в тех условиях. Это важно». Панорама, открывшаяся участникам с горы Митридат, поразила участников. «Какая красота!» — воскликнули они. Раскопки Пантикапея, памятник воинам освободителям, лежащий у подножья город — уникальное сочетание, которое есть только в Керчи. Вечером гости города собрались на центральном стадионе, где в день рождения Керчи выступили дети и артисты. Особый восторг вызвало выступление детей. Оно было ярким, красочным и радостным. Делегаты отметили: «Приятно смотреть на ваших керченских детей. Какие

они счастливые! Радостью светятся их глаза. Выступая в большом коллективе, каждый из них старается так, как будто выступаем соло и он один на сцене. Не потеряйте ваших детей и их настроение сохраните». Закончился концерт праздничным салютом, который был шикарен: в начале фонтаны, затем шары, а в финале искрящийся водопад света.

7 сентября. День насыщенный не меньше, чем предыдущий. С утра делегации отправились на экскурсию в крепость «Керчь». «Мы увидели огромную крепость Керчь, которая была построена в XIX веке и спланирована так, что ее было почти незаметно среди окружающей местности, побывали во многих ее строениях, даже в подземных подкопах». Самым главным мероприятием слета стала научно-практическая конференция «Наследники победы». Делегаты принимали участие в работе пяти секций: «Их именами названы...», «Все для фронта, все для победы», «У войны не женское лицо», «Детство, опаленное войной», «Мир XXI века — мир без войн». Ребята должны знать все о Великой Отечественной войне, кто на чьей стороне воевал, кто стал победителем, и какой ценой досталась эта Великая Победа. Помощь в работе жюри оказали учителя истории школ города Керчи. По традиции, для руководите-

лей делегаций прошёл круглый стол. Педагоги обменивались опытом воспитательной работы, которую проводят в своих школах и образовательных учреждениях города, оказали методическую помощь педагогам Керчи и Севастополя в условиях переходного периода.

Никого не оставил равнодушным вечерреквием «Память». У многих на глазах были слезы. Завершился вечер закладкой капсулы с посланием потомкам — участникам слета школьников городов-героев 2064 года. Каждая делегация написала свое письмо, после в торжественной обстановке зачитали объединенное послание. В полной тишине слушали участники: «Заклинаем вас: любой ценой не допускайте войн, живите в мире, искренне любите свою землю, свою Родину и детей своих воспитывайте милосердными и неравнодушными людьми. А самое главное — берегите Память о нашем с вами трагическом прошлом и не превращайтесь в «Иванов, родства не помнящих»!»

8 сентября. С утра экскурсия в музей Эльтигенского десанта. А затем приняли участие в открытии Вахты памяти «Эльтиген — 2014», на которое собрались поисковые отряды Крыма, России, Украины, Эстонии. Главным событием, ради которого здесь собрались ветераны и поисковики, стало захо-

ронение останков капитана Ивана Кондратова, боевого офицера-разведчика. Его останки были найдены поисковиками 4 сентября 2013 поисковой экспедицией у немецкого дота на Эльтигенском плацдарме. Траурная процессия прошествовала до братской могилы, где Иван Кондратов был захоронен. Участники слета возложили цветы на братскую могилу десантников.

Вот и слет подошел к концу. Во дворце культуры «Корабел» собрались участники слета, лицеисты, их родители, ветераны войны, школьники Керчи. Здесь был концерт, поздравительные речи, обмен подарками и награждение победителей конференции. Яркое и праздничное шоу показали лицеисты: танцевальный коллектив, вокалисты и музыканты. «Баллада о матери» в исполнении Элеоноры Горшковой затронула каждого слушателя. Ветеранов войны торжественно приветствовали все присутствующие. К участникам слета обратился герой Советского Союза и герой России лётчик Леонов. Он призвал всех участников помнить героическое время, чтобы сохранить мир на Земле.

Участники слета были поражены тем, что такой грандиозный концерт был дан только силами учеников лицея искусств. Закончился концерт выступлением участницы из Новороссийска с патриотической песней «Россия-

Русь». А затем наступил торжественный момент заместитель министра образования, науки и молодежи Санталова Е. О. наградила делегации и победителей конференции дипломами. Все делегации отмечены благодарственными письмами.

Слет завершил свою работу, но расставаться никто не хотел, ведь за время, проведенное в нашем городе, ребята нашли новых друзей. Они восхищены не только красотой и уникальностью Керчи, доброжелательностью и открытостью горожан, гостеприимством жителей города, патриотическим настроем. Как раз такие поездки по городам-героям воспитывают чувство гордости за подвиг, совершенный нашими дедами и прадедами, позволяют вырастить поколением настоящих патриотов нашей Родины!

Николай Кутиков

*Председатель Городского Совета Организации ветеранов
города-Героя Керчи, Заслуженный работник транспорта
УССР, ветеран ВОВ*

ВСЁ, ЧТО БЫЛО □ ПОМНИМ, ВСЁ, ЧТО МОЖЕМ □ ДЕЛАЕМ

Ветераны...Мы им обязаны всем. Одни из них — приближали Победу в бою, другие — ковали её в тылу, третьи — восстанавливали разрушенное войной народное хозяйство и строили мирную жизнь. Обо всех о них невозможно написать в одной книге, разве что разве что скупые, краткие строки. О каждом ветеране нашего города можно написать отдельную книгу, поскольку в каждом человеке сосредоточен целый мир, а внутренний мир ветерана — бесконечен, как Вселенная.

Я не буду называть имён и фамилий, чтобы никого не обидеть даже лёгким намёком на забвение. Я просто расскажу о нашей городской организации ветеранов, по работе которой можно сделать вывод, что лозунг «Никто не забыт и ничто не забыто» не являются пустословием.

Керченская городская организация ветеранов была создана в марте 1987 года. За четверть, с лишним, века, из малочисленного состава Комитета ветеранов войны она выросла в многотысячный общественный орган ветеранов и участников Великой отечественной войны, ветеранов труда, военной службы и правоохранительных органов города — Героя Керчи, а также детей войны и узников фашистских концлагерей. В знак признательности за активную жизненную позицию, стремление всегда быть на переднем крае борьбы в жизни города, 11 апреля 2009 года нашей организации торжественно было вручено Знамя «Организации ветеранов города — Героя

Керчи», как символ чести и славы. Так же мы имеем и свой Гимн.

Основные наши задачи — социальная защита ветеранов, воспитание молодого поколения и активное участие в жизни города, которое мы согласованно осуществляем с городским Советом депутатов и исполнительной властью в соответствии с Договором о сотрудничестве.

Совет ветеранов имеет свой Устав и входит в состав Организации ветеранов Республики Крым. Создана хорошо действующая структура организации. Городской Совет ветеранов объединяет три территориальных совета: Аршинцевский, Войковский и Центральный, в которых работают 73 первичных организации и три общественных Совета: Керченский Союз воинов-интернационалистов, Керченское отделение Крымского Союза узников — жертв нацизма и Совет ветеранов и пенсионеров управления МВД Республики Крым в городе Керчи.

Численность нашей организации впечатляет — это свыше 30000 ветеранов, в том числе УБД ВОВ — 360 человек.

Руководит работой организации избранный на Конференции городской Совет и Президиум. На постоянной основе работают: Комитет ветеранов, инвалидов ВОВ и военной службы; Комитет ветеранов труда; а также

три комиссии: по социально-бытовому и медицинскому обеспечению; по работе с молодежью, защите правды истории ВОВ 1941 — 1945 г.г.; организационно-методическая. Функционируют два клуба: «Здоровье» и «Ветеран». В 2008 г. при портовой больнице водников создан госпиталь для лечения ветеранов.

За последние годы по нашей инициативе и поддержке исполнительного комитета городского Совета депутатов была проделана большая работа мемориального направления:

— на городской набережной установлен памятник морским десантникам;

— установлен памятник адмиралу Ф.Ф.Ушакову;

— сооружён памятник сапёрам, флотским минёрам и водолазам, разминировавшим в послевоенное время акваторию и территорию Керченского пролива и берега;

— установлен памятник воинам-интернационалистам, погибшим в Афганистане;

— в акватории пролива установлен памятный буй, как символ крупных десантных операций и в память о погибших десантниках;

— установлены памятные мемориальные доски дважды Герою Советского Союза Амет-Хану Султану и узникам жертв нацизма.

Городской Совет ветеранов постоянно следит за сохранностью памятников, связанных с

военными событиями и особенно с ВОВ. Всего в городе 72 памятника и памятных мест.

Активно развито и волонтерское движение. Волонтеры (360 чел.) работают по оказанию помощи нуждающимся инвалидам ВОВ и труда, одиноким пенсионерам.

Особое внимание мы уделяем военно-патриотическому воспитанию молодежи. Во всех школах и учебных заведениях с помощью ветеранской организации созданы и функционируют музеи Боевой и Трудовой Славы, где ветераны проводят встречи с учащимися по вопросам военно-патриотического воспитания. Ветераны закреплены за всеми учебными заведениями города. Воспитательная работа ведётся по согласованному плану мероприятий Совета ветеранов и управления образования. Поводятся регулярные тематические вечера и встречи ветеранов с приглашением молодежи.

Совместно с историко-культурным заповедником Совет ветеранов уделяет большое внимание поисковой работе пропавших без вести воинов Красной Армии в период ВОВ и организует их торжественное перезахоронение с воинскими почестями. Ведётся постоянная переписка с бывшими Республиками СССР и ветеранами, которые освобождали Керчь и Крым. Установлено тесное сотрудничество с ветеранскими организациями Республики Крым, Краснодар, Санкт-Петербурга,

городов-Героев: Москвой, Тулой, Новороссийском, Севастополем.

Не так давно, делегация наших ветеранов побывала в г.Москве и Московской области, где её тепло встретили, а губернатор Московского региона Воробьёв Андрей Юрьевич организовал экскурсионную поездку по местам боевой славы Подмосковья.

Свыше 2000 наших ветеранов за активную жизненную позицию и деятельность награждены орденами, памятными медалями, Почётными грамотами государства, Республики Крым, городского Совета депутатов и ветеранской организации. 17 ветеранам присвоено звание «Почётный ветеран Украины», а 6-ти «Почётный ветеран России». Городской Совет ветеранов, за заслуги перед городом и активную деятельность, награждён памятной плакеткой в 2010 году, памятным знаком «За особые заслуги перед народом и Украиной» от организации ветеранов Украины в 2012 году и Золотым Грифоном в 2014 году.

Как и все крымчане, Совет ветеранов города принял активное участие в «Крымской весне» и референдуме по вхождению Республики Крым в состав Российской Федерации – свою родную семью. Мы активно поддержали на прошедших выборах партию «Единая Россия», во главе с её лидером Ларисой Викторовной Шербулой, которая ныне возглавила городской Совет депутатов.

С вновь избранным городским Советом и исполнительной властью города, которую возглавил Сергей Николаевич Писарев, мы будем и дальше плодотворно трудиться на благо

нашего Отечества, родного города, наших ветеранов и воспитывать подрастающее поколение в духе патриотизма и любви к Родине.

Елизавета Коломейцева

уч-ся 8 кл. ош №1, юнкор

ВОЕННЫЕ СТРОКИ...

Война — это, когда мир рушится

Ваня, 5 лет

Извилистые коридоры госпиталя, в котором должна была состояться встреча с ветеранами перед 9 Мая в знак памяти о той боли и том отчаянии, что принесла Великая Отечественная война, хранили память. В палатах на старых, потёртых временем кушетках сидели ветераны, которые должны были рассказать подросткам о Дне Победы и потерях, пережитых ими, чтобы дети не считали этот день всего лишь выходным, когда не надо идти в школу. Мрачный госпиталь, когда-то дышавший смертями и безысходностью, всё-таки помнил...

— Я помню, как лежал на этой же кушетке, не веря, что мы победили. Мне, такому молодому парнишке в форме, что была на меня великовата, и которому некому было её зашить, казалось, что обессиленные солдаты просто хотели верить в эту победу. Но это оказалось правдой. Нас выжило всего несколько человек из нашего города. Мы дошли до конца, не сломавшись под напором

фашистов. Многих забрали в плен или расстреляли. А ещё у меня был друг. Человек, чью память я чту каждую секунду, пока живу. Благодаря ему мы отстояли этот город и сейчас дышим. Он умер на войне, но его талант жив в наших сердцах. Он умер, не дописав произведения. У меня сохранилась книжечка, которую он отдал мне перед смертью. В этой книжечке его стихи, и то самое незаконченное прозаическое произведение, которое мы слушали по вечерам в окопах. Хотите, прочитаю? Лишь я один знал, насколько дорогой и родной являлась для него эта работа, написанная в перерывах между боями и кровью. А мальчишке было всего 17...

«Она молча радовалась тому, что у них не было детей. Она бы не выдержала, если б ребёнок погиб от голода, в последний раз

глядя на мать с тоской, смешанной с безысходностью. Даже маленькие дети понимают, что значит «гореть жизнью». Она боялась привыкнуть к стволам винтовок, нацеленных на случайные жизни, к оглушенным от бомб и растоптанным вражескими ботинками телам. И даже во сне она не отпустила бы его за грань безумия до предела. Ей всё чаще и чаще казалось, что мир не способен был бороться за стук собственного сердца. Алый цвет, что ранее казался любимым, стал ненавистным приговором каждому, кто понимал, что эта капля крови, покидающая изможденное тело — последнее, что он чувствует. Тот день, в который прозвучал первый выстрел, совсем недавно наступил, а уже будто вечность ушла с погибшими солдатами.

И ему — тому, которого юная девушка боялась отпустить, тоже нужно было уходить навсегда. Она никогда не чувствовала себя слабой, но дрожь в коленках давала о себе знать. Ей хотелось убивать убитых фашистов, мстить за серое небо и бороться за разбитое. Жаль, что пистолет даже удержать в хрупких пальцах не могла, страшилась оказаться на сырой промозглой земле в окружении пусть родных, но мёртвых людей, которые тоже хотели жить ради своих

близких. А ещё она боялась задохнуться грязью нацистских душ.

Каждые сутки приносили письма, в которых чёрными с оттенками алого цвета буквами на бумаге со следами слёз, было выведено ещё несколько имён упавших в бездну войны солдат. Немцы топтали гордость народа, забывая о чести...

— Уедешь, может? Многие уезжают.

— От себя не убежишь, не уедешь.

Он кивал медленно, а мысли витали в завтрашнем дне, когда он должен был отпустить её ладонь из своих рук и уйти навстречу закату. Оставить её одной с ломтем чёрного, на вкус как глина, хлеба, что был пищей на весь день. А вместе с ним улетят и птицы...»

На этом запись обрывалась.

— Дедушка, а где продолжение?

— Осталось на войне в душе погибшего таланта, — тихо ответил ветеран, глядя на мальчишку. — Но знаешь, я до сих пор помню его глаза. В них отражался сожжённый дотла дом и убитая горем сестрёнка. Он искал силы в себе, в своём творчестве и писал, чтобы хоть ненадолго забыть о том, где находится. Его письма матери так и не находили адресата, ведь он не знал нового адреса, если таковой вообще был. А ещё он боролся до конца. Ко-

гда умирал, вся землянка была пропитана запахом медицинского спирта, нога перевязана бинтами, сквозь которые всё равно сочилась тёплая кровь. А он даже тогда шутил и говорил, что-то, еле сдерживаясь от раздиравшей его изнутри боли и не понимал, почему по нашим щекам текли слёзы. Лоб был горячий, и медсестра влажной тряпочкой протирала ему лицо. Он очень хотел пить, но не просил воды. Измученный жаждой и смертельной раной, всё равно понимал, что воды слишком мало, а несколько глотков не спасут. Кровотечение уже не остановить. Его последние слова и заставили нас поверить, что мы сможем, заставили найти силы сражаться дальше. «Я боюсь задохнуться слабостью ваших взглядов, а не умереть от пронзающей моё тело боли. Где те храбрые солдаты, какими вы были в самом начале боя, где ваша уверенность в будущем и победный дух? Где ваша сила? Держитесь. Сражайтесь до конца. Верьте в победу, а я верю в вас. И главное, никогда не забывайте о земле, за которую умираем и убиваем, о войне, что оставила след в каждом из вас, *друг о друге*. И пусть потомки тихо скажут, держа в руках свечу: «Никто не забыт, Ничто не забыто...»

Ирина Кучмина

член Союза журналистов

ДВЕ СВЕЧИ

... Праздничный день, 1 мая или 7 ноября. Вся семья в сборе, мама, папа, бабушка Женя, бабушка Даша, дедушка Афанасий и я. Нет с нами дяди Вани, его младшего сына, и тети Вали, средней дочери, она со своей семьей живет в Грозном. На веранде большого, по тем временам, пятикомнатного дома тепло, хлебосольно, уютно. Дедушка уходит в зал, берет в руки баян и начинает играть. Он покраснелся, сдержанно улыбается. В такт музыке качает головой. У него со времен войны ранена рука, и некоторые пассажи ему не даются с первого раза. Он повторяет их вновь и вновь. Я сижу рядом и внимательно слушаю. Это какая-то быстрая веселая украинская мелодия. Плясовая. Мама рассказывала, что дедушка родился в бедной украинской семье в Полтавской области, с детства любил музыку, но купить инструмент было не за что. И тогда он сам собрал гармошку и научился играть. А когда стал работать, купил баян. Вдруг дедушка резко обрывает игру и, глядя на меня, грустно говорит:

— Все есть, внучечка, у дедушки, а счастья нет.

Мне очень хочется его утешить, разубедить, успокоить, но я еще маленькая, не знаю, как это сделать. К тому же, он такой сильный, строгий, всеми уважаемый, эта его минутная слабость застает меня врасплох. Я молчу, вся сжавшись. Что такое счастье и почему, когда все есть, его не хватает, для меня загадка. Пройдет время, прежде, чем я смогу хотя бы частично ее разгадать.

... Чем дальше от нас Великая Отечественная война, тем она ближе. И не только потому, что нынешние события на Украине побуждают искать в ней ответы на многие вопросы. Но и потому, что без нее не сложишь биографию семьи, а значит, и свою собственную. С уходом из жизни поколения дедов и прадедов некоторые страницы семейной истории уже не восстановишь. И значит, в твоей биографии так и останутся белые пятна.

В силу журналистской профессии неоднократно приходилось писать о керчанах, прошедших войну, и ни разу — о самых близких людях. Из ложного ли понимания скромности, беспечности ли — еще не время, да мало ли причин. И вот результат — домыслы, догадки вместо железных фактов. И сейчас, если не записать то, что все же известно, будет еще меньше знания, которое обязано быть.

Это беда многих семей. Старшее поколение уходит, не выговорившись, младшее живет, не прислушиваясь.

...В нашей стране нет ни одной семьи, которой бы ни коснулась война. И наша — не исключение. У прабабушки по маминой линии — Дарьи Никифоровны Ревы, на войне без вести пропал старший сын Иван, родной брат моего дедушки, Афанасия Даниловича. В мае 1939 года его призвали на службу в армию, в Узбекистан. Перед войной он обучался на курсах танкистов. Сохранилась одна из немногих фотографий. Он в военной форме на фоне пальмы. Надпись — «Батуми, 21 апреля, 41-й год». Молодой, красивый, широкоплечий парень, с тонкими чертами лица и строгим взглядом. В самом начале войны его призвали через военкомат на фронт. Оттуда приходили от него треугольники писем, где он туманно писал, что воевать приходится в песках. Может быть, это была та самая совместная англо-советская операция Второй мировой войны по оккупации Ирана под кодовым наименованием «Операция «Согласие», которая проводилась с 25 августа 1941 года по 17 сентября 1941 года. Её целью являлась защита англо-иранских нефтяных месторождений от возможного захвата их германскими войсками Германии и их союзниками, а также защита транспортного коридора, по которому

союзниками осуществлялись поставки по ленд-лизу для Советского Союза. В Иранской операции принимал участие 24 танковый полк. Может быть, в его составе и воевал танкист Иван Данилович Рева.

В том же 1941 году бабушка Даша получила черное письмо о том, что он пропал без вести. Все, больше его никто никогда не видел. Бабушка помнила о нем и горевала всю жизнь. А прожила она 87 лет. Когда церковь

была в загоне, бабушка все равно ходила в храм, молилась, ставила свечки за здоровье и за упокой. Одну — мужу своему Даниле, подорвавшемуся на снаряде во время переезда из Украины в Крым в тридцатые годы, вторую — сыну, Ивану. Но однажды какая-то женщина, уже после войны, сказала ей, чтобы она за упокой сыну не ставила, потому как он жив. И бабушка поверила и долгие годы ждала и надеялась на чудо, что откроется дверь и ее сынок вернется живой и невредимый. Но чуда не произошло. За потерю кормильца государство выплачивало пенсию, сначала девять рублей, потом тринадцать, и, наконец, тридцать три рубля.

Ее младшего сына, Афанасия Даниловича Реву, тоже призвали на фронт. В бою получил ранение в кисть руки, и после госпиталя его комиссовали. Вернулся домой в Керчь, где его ждали мать, жена, маленькая дочь Лидия, моя мама. Семья пережила оккупацию. Дедушка, скрываясь от немцев, несколько дней провел в Аджимушкских каменоломнях. Потом семья эвакуировалась.

После войны за то, что он находился на оккупированной территории, как и многих других участников войны, его исключили из коммунистической партии. Это его очень подкосило. Он до конца жизни так и не смирился с этой несправедливостью. О войне никогда

ничего не рассказывал. Эта тема в семье была закрыта. В трудные полугодные 70-е и 80-е, когда участникам войны выдавали удостоверение, а по ним — продуктовые пайки (масло, сыр, крупы), дедушка не захотел получать ни удостоверение, ни пайки. Я хорошо помню его стоящим возле продуктового магазина в очереди за колбасой с номером на руке.

Дедушка всю жизнь проработал шофером, водил шумные «КРАЗы». Он был безупречен в работе, его уважали и работяги, и начальство. Честный, порядочный, принципиальный человек, он особенно не терпел лодырей и воров, тех, кто к государственному добру относился, как к своему. Очень вкусно готовил, украинский борщ, макароны по-флотски, хорошо солил сало, как щирый украинец. Восхищался игрой актера Евгения Евстигнеева, Владимира Андреева, Петра Алейникова.

Вместе с бабушкой, Евгенией Ивановной, они прожили душа в душу 38 лет. Воспитали троих детей. Бог подарил им шестерых внуков и троих правнуков. Мой родной брат, Валерий, назвал свою дочку Дарьей. Двоюродный брат, Евгений, названный так в честь бабушки Жени, своему сыну дал имя Данил в честь прадеда.

Пока мы помним своих предков, их жизнь продолжается.

Пока мы их любим, они живы.

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ

Прошло уже много лет со дня окончания войны, и каждое воспоминание о ней ветерана войны приобретает особую ценность. Мы встретились с нашим уважаемым земляком Александром Григорьевичем Лубенцовым, участником Керченско-Феодосийского десанта и партизанского движения в Крыму, накануне очередной годовщины десанта. Он как всегда был приветлив, доброжелателен, внешне по-юношески легок и подтянут. Погружаясь в события давно минувших дней, он как будто переживал их заново. Это давалось ему нелегко. Но только дважды он не смог удержаться от скупых слез, когда говорил о трагедии Багеровского рва и о пяти банках кукурузных зерен.

Он родился 30 апреля 1922 года, а спустя семь лет семья переехала из сельской местности в Керчь. Отец устроился работать на металлургический завод, сын пошел в первый класс. Школа находилась на улице Свердлова, напротив военкомата. Вскоре отца как «двадцатипяти тысячника», так называли рабочих крупных промышленных центров СССР, которые по решению Коммунистической партии направлялись на хозяйственно-организационную работу в колхозы в начале

1930-х годов, в период коллективизации сельского хозяйства, командировали на работу в одно из сел Ленинского района.

Война застала семью Лубенцовых в Феодосии. Александр работал там слесарем на военном заводе. 19 августа его призвали на службу в армию, и судьба снова привела его в Керчь. Он служил в составе 68-й зенитной батареи, что располагалась на горе Митридат. Обслуживали ее моряки береговой обороны. А когда немцы уже приблизились к Керчи, боевую установку переправили на Кубань. Там в конце декабря готовился к высадке Керченско-Феодосийский десант и требовались добровольцы. Александр Лубенцов и его друг Николай Шульженко из Симферополя перешли во флотский экипаж Керченской военно-морской базы. 26 декабря они вместе с другими моряками на торпедном катере высадились в порту Камыш-Бурун. Там в состав их группы вошла рота из 302-й стрелковой дивизии. Шел ожесточенный бой, фашисты расстреливали десантников в упор.

Подбили баржу с артиллерийским полком, которую тянул буксир. Она скрылась в волнах, погибли все. Командовал группой старший лейтенант Гасилин, комиссаром был лейтенант Степанов. Они тоже погибли. Из всего флотского экипажа уцелела только их группа. До 28 декабря они сражались в бою, а 29 — фашисты окружили их, но морякам удалось прорваться на Аршинцевскую косу. Комиссар Калинин и капитан 3-го ранга Студеничников с группой разведчиков вернулись пешком в Керчь. Немцы уже ушли отсюда. Группа вошла в город 30 декабря 1941 года. Утром в 4 часа. Остановились возле Дома военно-морского флота, там сейчас находится здание ЮГНИРО. Прокричали ура. На улицу стали выходить люди. Почему-то запомнилось, что было много лошадей.

Керченская десантная операция — крупная десантная операция советских войск на Керченском полуострове проходила с 26 декабря 1941 по 20 мая 1942 года. Бои за Крым начались в конце сентября 1941. 26 сентября части 11-й армии вермахта прорвались через укрепления Перекопского перешейка и вошли на полуостров. Остатки 51-й армии к 16 ноября были эвакуированы на Кубань. Единственным очагом сопротивления оставался Се-

востополь с прилегающим укрепленным районом. Попытка вермахта взять Севастополь с ходу в течение 30 октября — 21 ноября 1941 не удалась. Для продолжения осады Севастополя командующей 11-й армией Э. фон Манштейн стянул к городу большую часть наличных сил, оставив для прикрытия района Керчи лишь одну пехотную дивизию. Советское командование решило использовать это обстоятельство для нанесения ответного удара силами Закавказского фронта и Черноморского флота. В конце декабря 1941 части Закавказского фронта при поддержке судов Черноморского флота и Азово-Черноморской флотилии произвели морской десант: 26 декабря в районе Керчи и 29 декабря — в районе Феодосии. Первоначальная численность десанта составила более 40 тыс. человек,

В Феодосии выгрузка сил десанта проходила в порту. Сопrotивление немецкого гарнизона (3 тысячи человек) было сломлено к исходу дня 29 декабря, после чего в Феодосию стали поступать подкрепления.

В районе Керчи пехота высаживалась прямо в ледяное море и по грудь в воде шла к берегу. Переохлаждение вызвало большие потери. Через несколько дней после начала высадки ударил мороз и большая часть 51-й армии переправилась по льду замерзшего Керченского пролива.

В результате Керченско-Феодосийской десантной операции советские войска освободили Керченский полуостров, Керчь и Феодосию и заставили противника временно прекратить наступление на Севастополь. Развернутые на полуострове войска Крымского фронта предотвратили угрозу вторжения врага на Кавказ через Таманский полуостров и на несколько месяцев существенно облегчили положение осажденного врагом Севастополя.

— Вначале мы в составе флотского экипажа охраняли город, а потом нас направили в 83 морскую бригаду. Я был в роте автоматчиков. Готовились к десанту. Планировали наступать 9 мая, но немцы 8 мая прорвали фронт на левом фланге. Когда утром на нас двинулось клином более 200 танков, наша артиллерия открыла огонь. Загорелось сразу 7 вражеских танков.

И все же в том бою нашим пришлось отступать до Керчи, до Капкан. Город уже был занят немцами. Светиться в бушлатах и бескозырках было смертельно опасно. Вместе с товарищами Александр Лубенцов бросил в море амуницию и бескозырку, а бушлаты один старик поменял им на фуфайки. Подкрепившись и пересидев ночь у знакомых, они двинулись утром в сторону Семи Колодезей. (Ленино — поселок городского типа, центр

района, расположен в северной части Керченского полуострова, в 68 км от Симферополя. В черте поселка — железнодорожная станция Семь Колодезей). У Александра там жил друг Александр Беспалов. Он помог ему устроиться стрелочником в железнодорожное депо. Там тогда заправляли немцы.

— И я остался работать на железной дороге, сначала стрелочником, потом составителем. Жил на квартире, снимал комнату. Вместе с другом Александром Беспаловым мы создали подпольную организацию, в которую постепенно приходили все новые и новые люди. Возглавил ее Михаил Сергеевич Царев. Связались с партизанами. Но в мае 1942 года советские войска вынуждены были отступить. 9 мая гитлеровцы вновь заняли райцентр Семь Колодезей и устроили застенок полевой жандармерии. Степь вокруг станции усеяна братскими могилами, в них захоронены тысячи советских людей.

Из выписки начальника штаба Восточного соединения партизан Крыма тов. Качалова: «Патриотическая подпольная Семиколодезьянская подпольная организация в составе Александра Лубенцова и Александра Беспалова около Керчи пустила под откос эшелон с боеприпасами. Разбит паровоз и 60 вагонов, 10 вагонов разрушено. На перегоне Сариголь — Владиславовка разбит паровоз и три вагона.

Также они взорвали склад противника с горючим. Сгорело 120 тонн бензина и керосина. Всего было пущено под откос около десяти паровозов и разбито более двухсот вагонов с горючим и боеприпасами».

— Когда я почувствовал за собой слезку, решил уйти в лес. Со мной ушли еще двое подпольщиков. Там нас собралось полсотни человек. Создалась диверсионная группа. Меня назначили командиром. На месте мы не сидели. Постоянно выходили на задания. Взорвали фашистский транспорт. Выводили из строя столбы электропередач. Уничтожали продовольственные склады. Со мной воевала Медиме Валиева, Алим Абдинанова. Алим в деревне Кашик Ленинского района была оставлена 51-й армией в качестве радистки. Мы приходили к ней за разведданными и приносили продукты питания. Я и Лида Шведченко. Одному мужчине появляться было опасно. Алим фашисты запеленговали и арестовали вместе с родителями. А потом расстреляли в Старом Крыму. После войны ей поставили памятник в Ленино. Я ездил туда, поклонился памяти отважной разведчицы.

— Большая земля не могла снабдить нас продовольствием. Мы были вынуждены ходить по деревням, по дворам. Просили у жителей поесть. Они тоже бедствовали. Кто-то сам голодал и ничем не мог помочь, кто-то

спускал собак с цепи. А кто-то делился последним. Как та женщина, которая вынесла пять пол-литровых банок кукурузных зерен. Вот, говорит, три оставляю детям, а две вам. Ужас, да?!

— ...В 44-м году 11 апреля начались бои за Старый Крым. 12-го мы заняли город до подхода основных войск. Наша третья бригада взяла под контроль шоссе Феодосия — Старый Крым. Несколько румынских орудий мы развернули и заставили стрелять по немецким танкам. А 13 апреля встретили уже наши танки. ...После этого я работал в Ленинском райкоме комсомола вторым секретарем, совсем недолго. Не смог, все воюют... На фронт пошел добровольцем. Воевал в составе 303 стрелковой дивизии на Перекопе. Потом дивизию переправили в Румынию, дальше была Болгария. Там остановились и воевали до Дня Победы. Добивали фашистов, контролировали порядок. Войну закончил в звании рядового. После войны вернулся в Керчь. Здесь жили родители. Отец работал в Керчьморстрое. Я 30 лет проработал на одном производстве — в карьере на камнерезной машине.

— В 1944 году нас с Александром Беспаловым представляли к награждению орденом Ленина. Но «снизили» до ордена Красной Звезды. И все равно не дали. Вместо 44-го

года я получил награду в 89-м. И то по ходатайству историка Ивана Ширшова.

— Я благодарен судьбе, что прошло столько лет после войны, а я до сих пор живу. Наверное, потому, что, как теперь говорят, веду здоровый образ жизни. Уже больше 40 лет каждое утро делаю зарядку. Никогда не злоупотреблял спиртным. Не курил. Это много значит. Была такая история. Война уже закончилась. Мы стояли в Болгарии. Наш командир лейтенант Ковзов говорит, давайте сделаем взвод некурящих. Мы согласились. Зарплату получали левами, хорошо получали. И вот установили порядок: кто закурит, бросает в шапку всю месячную зарплату. На третий день поймали нашего лейтенанта, он в открытую курил. За месяц тогда многие проштрафились. А я как бросил, так по сей день и не курю.

— Конечно, на войне было страшно. Во время десанта, на пяточке нас фашисты забрасывали дождем снарядов, погибло очень много моряков, солдат из 302-й дивизии. И в партизанах несколько раз в засаду попадал. Но как-то страх прятать умели. Однажды шли с задания, делали последний переход. Это было перед Старым Крымом. Ровное поле, речка, а к лесу — крутая горка. И вот мы поднимаемся на нее, а из лесу немец с автоматом. Мы не ожидали, и он. С перепугу

как даст очередь. Пули просвистели у нас над головой. Я упал, Саша подумал, что нас убило, бросился назад. Я его зову, а сам ничего не вижу, от испуга зрение пропало на время. А в лесу еще немцы. Открыли стрельбу. И все-таки нам тогда удалось убежать.

— Где молодость там и любовь. Я в Керчи с девушкой познакомился. Прекрасный человек. У нас с ней ничего не было, просто нравилась очень, дружили. Она жила с братишкой. Родители погибли при бомбежке. Я им помогал продуктами. Мы тогда в конце декабря 41-го пришли в Керчь. Немцы готовились к Новому году. У них такие запасы еды были. Ямайский ром и что хотите. Отмечать собирались в Месаксудинском особняке.

— Почему мы их победили? Ведь у нас порой даже винтовки не было. Наверное, строй наш, социалистический. Коммунистическая партия. И Сталину верили, конечно. И жестокость их, фашистов. Я видел Багеровский ров, в январе 42-го. Это жутко. Жестокость нечеловеческая. Их так воспитали. Причем за такой короткий период. В 33-м пришли к власти и в 41-м уже такое натворили?! Они шли с закатанными рукавами с автоматами, как... мясники.

— Конечно, я доволен жизнью. Мне уже далеко за 80. Отец мой прожил 83 года, мать

месяц не дожила до 95 лет. Мы с женой прожили больше полвека. Вырастили двоих детей. Старался никогда не делать людям зла. Я вообще люблю людей. Мне нравится детский смех. Улыбающиеся женщины. Беременные женщины. Они такие красивые. И еще я до сих пор чувствую, что нужен людям. Это очень важно.

... На город надвигались тучи. Погода резко менялась. Поднялся ветер. Запахло дождем. А мы все говорили и говорили о тяготах войны, превратностях судьбы и непредсказуемости жизни. Но на душе было светло и спокойно, как бывает всегда, когда общаешься с добрым, хорошим человеком, который спас для нас мир на земле и сумел сберечь его в своем сердце.

Елена Лапченко

член «КГЛито «Лира Боспора»

ВОЕННАЯ БАБУШКА

Отдыхать на юг Алёша приехал вместе с бабушкой. Летний домик, в котором они поселились, казался сказочным. Крыльцо смотрело прямо на голубую гладь Булганакской бухты.

Алёша впервые в Керчи. Здесь ему нравится всё: и ласковое тёплое море, и мелкий песок, похожий на манную крупу, из которой мама варит кашу. А как здорово лазить по скрюченным, пригнувшимся к земле стволам дикой маслины!

И солёное озеро! Оно почти пересохло, словно снегом среди лета, покрылось слоем белоснежной, самой настоящей, соли. В общем, здесь очень интересно.

Но Алёшина бабушка не раз бывала в Керчи. Впервые она попала сюда во время Великой Отечественной войны. Довелось ей тогда, с оружием в руках, защищать город от врагов.

Надо заметить, бабушка у Алёши была необыкновенная. На праздники 23 февраля и 9 Мая она надевала фронтовые ордена и военную форму подполковника. Алёша очень гордился своей бабушкой.

Вот и вчера вечером, вернувшись с пляжа и оказавшись за одним столом, хозяева и гости затеяли неторопливую беседу малознакомых между собой людей. Алёша вдруг попросил:

— Бабушка, расскажи про войну. Ты ведь обещала показать домик, в котором тебя прятали от фашистов!

И нимало не смущаясь, объяснил окружающим, что давным-давно, когда папы с мамой ещё не было на свете, его бабушка, тогда во все ещё и не бабушка, а молодая девушка, с автоматом в руках воевала против немцев. Про автомат он не придумал. В домашнем альбоме есть пожелтевшая от времени фотография, где улыбающаяся, с озорными глазами, стоит юная Алёшина бабушка, а в руках у неё настоящий автомат!

Заметив интерес детворы, взрослые подсадились ближе и упростили таки бабушку. Оказалась она великолепной рассказчицей.

— Вам бы книги писать. — вставил кто-то из взрослых, слушая горькую повесть о том, как декабрьской промозглой ночью шли, по пояс в ледяной воде, наши моряки-десантники. А с холма, на котором сейчас стоит посёлок, немцы методично расстреливали наших моряков.

Алёша закрыл глаза и поплыли перед ним кадры из американских боевиков, где хорошие наши победили плохих чужих.

Взрослые наоборот, широко раскрытыми глазами смотрели на это ласковое море и тёплый берег, с ужасом понимая, что именно эта земля была устлана мёртвыми телами воинов-десантников, защитников нашего Отечества.

— Тогда погибли все, кроме меня... — с грустью вспоминала бабушка. — Просто повезло: меня, раненую, подобрала местная рыбачка Анна. Сожгла моё военное обмундирование, дала взамен свою старенькую одежку. Немцы прочёсывали весь посёлок, заглядывая в каждый дворик. То и дело раздавались выстрелы. Это шла жестокая и беспо-

щадная расправа над уцелевшими десантниками и смелыми рыбаками, приютившими у себя раненых бойцов.

Но никто не мог заподозрить воина-десантника в худущей невысокой девочке.

Анна, спасшая жизнь Алёшиной бабушке, давно умерла. Алёша знает, где она похоронена. Сразу после приезда, они с бабушкой пошли к ней на могилку.

Оттуда, с деревенского кладбища, расположенного на холме, как на ладони видны крошечные рыбацкие сейнеры, застывшие в голубой глади Керченского пролива сухогрузы и танкеры. Издалека они кажутся игрушечными.

Потому-то сегодня утром, едва проснувшись, Алёша отправился по уже знакомым местам. Пробираясь сквозь жемчужные заросли дикой маслины, мальчик недовольно сопел носом. Хотелось поскорее окунуться в море. Но он твёрдо знал, что одному, без бабушки, на пляж идти нельзя. Обычно дома бабушка вставала рано. Однако здесь, под ласковый шум прибоя, она могла проспать всё утро. И это очень огорчало Алёшу. Казалось, утро безнадёжно потеряно, когда внезапно пришла мысль поиграть с бабушкой в войну. Спички шестилетний Алёша нашёл быстро. Их вообще никто не прятал. Алёша считался хо-

рошо воспитанным ребёнком и без спросу ничего не брал. Но в это счастливое летнее утро Алёше расхотелось быть послушным.

Вчера соседские дети подарили ему легко взрывающиеся петарды, которые «по-настоящему» грохотали, совсем как на войне. Правда, за них пришлось отдать свои новенькие часики. Но часики Алёше было совсем не жалко. Тем более, что в коробочке у него теперь лежала настоящая «взрывчатка». При мысли об этом стало радостно и немного жутковато.

Подойдя поближе к полуоткрытой двери, Алёша быстро поджёг петарду и бросил её бабушке под кровать. Раздался взрыв, из окошка пошёл слабый синеватый дымок. Все взрослые, едва сообразив, в чём дело, ринулись на звук. Шумно распахнув двери, готовя себя к худшему, с бледными от напряжения лицами, они выстроились у кровати семидесятипятилетней женщины.

В комнате пахло гарью, бабушка безмятежно лежала на подушках.

— Ну и чего вы так всполошились? — удивилась она.

— Похоже, внучек ваш развлекается! Петарды взрывает у вас под кроватью. — гневно возмутился кто-то.

Остальные перешёптывались, заботливо осведомляясь о самочувствии бабушки.

— Ну что вы, милые! Разве я могла испугаться этого взрыва. — успокаивала она. — Вот в войну здесь действительно было страшно. После битвы за Керчь, я давно уже ничего не боюсь! — ответила бабушка и мирно зевнула, прикрывая рот рукой.

Разумеется, Алёша был наказан. Утром на море он не попал. Взрослые доверили ему чистить картошку для супа, а заодно объяснили, как плохо заканчиваются подобные шалости. Ведь у пожилых людей слабое и возможно, больное сердце. Человек может испугаться неожиданного звука и умереть от остановки сердца. Такие игры очень опасны!

Но после обеда бабушка всё же повела Алёшу на пляж, тем более, что он пообещал больше никогда в жизни не играть с петардами!

Василий Маковецкий

член СП СССР

НАШ ЗЕМЛЯК ГЕОРГИЙ ТИТОВ

Глава первая

Эти строки адресуются керчанам, которые прочитали «Уроки Эльтигена» и желают знать более подробно о судьбе раненых десантников, оставленных на плацдарме 6 декабря 1943 года, после ухода боеспособных частей на прорыв.

В 46-м, во вторую годовщину Победы, газета Краснознамённого Черноморского флота «Флаг Родины» опубликовала очерк Петра Павленко «История Георгия Титова». Об этом человеке маститый писатель, друг Сталина, услышал от севастопольских военных газетчи-

ков и моряков, принимавших участие в Эльтигенском десанте. На вопрос, кого из героев-эльтигенцев моряки чтят более всего, они ответили: Георгия Титова. Возможно, задай он этот вопрос другой группе моряков, и фамилия была бы названа другая. Но так уж вышло. Писатель в то время жил в Ялте, лечился. Ему помогли с Титовым связаться, состоялась встреча. И во «Флаге Родины» появился добротный очерк, — истинно писательская находка среди множества подвигов и необыкновенных судеб Великой Отечественной. Это был один из первых материалов в советской печати и даже, возможно, самый первый, который с симпатией рассказывал о человеке, прошедшем через фашистский плен. П. Павленко почувствовал драму этого отважного моряка.

В Эльтигене Титов считался убитым. Там на обелиске одной из братских могил в ряду восемнадцати фамилий значилась и эта: «Лейтенант, Герой Советского Союза Георгий Михайлович Титов».

... В ту предрассветную рань сверкал огонь и гремели взрывы по всей протяжённости эльтигенского берега. Он высаживался на мотоботе № 10, вёл в атаку взвод морских пехотинцев, штрафников. Атакующие попали на минное поле. Титов подорвался. Только что бежал с автоматом в руках, кричал: «Вперёд,

ребята, бей гадов!» — и вдруг его голос выпал из шума ближнего боя. Моряки залегли. Понеслось: «Где командир? Убило командира!» Окровавленного, стонущего Титова положили на плащ-палатку, чтобы отнести в какое-нибудь укромное место. Он очнулся и остановил бойцов, понял, что по атакующим, кроме пулемётов, бьёт ещё и миномётная батарея. Остаться под таким огнём — гибель. Ноги у него не действовали. И он приказал как можно быстрее тащить его вперёд на сближение с противником. «В атаку, братва. Кто знает Титова — за мной!» в отряде были и новые люди. Но и они знали Титова: этот, богатырского роста и силы, двадцатитрёхлетний лейтенант в боях на Малой земле отважно командовал штрафной ротой. Двое моряков его потащили, поволокли. Рядом ахнул взрыв. Упал матрос Каменев, — граната угодила ему прямо в голову. Титова обожгло осколками, зацепило лицо чужой кровью и мозгами. Он стёр с глаз эту горячую жижу. И опять: «Вперёд, моряки, только вперёд!» Вместо убитого плащ-палатку подхватил главный старшина Федоренко. Вдвоём с матросом Немовым они пронесли-протянули командира ещё десятка на два шагов. Справа и слева их обгоняли чёрные бушлаты. И тут под ними снова разорвалась мина. Немова убило, Федоренко, с перебитыми ногами, отбросило в

сторону. Титов остался на месте без сознания. Всё это видели и потом рассказывали уцелевшие после атаки бойцы. Титов и Федоренко пролежали неподалёку от вражеских окопов почти трое суток до того часа, когда эту, опалённую взрывами, полосу земли не отбили десантники в очередной атаке. Чуть живых их отнесли в тыл, под кручу. Тело Титова было сплошь изорвано и побито осколками. Врач насчитал двадцать шесть ранений. Никто не надеялся, что он выживет. Двадцать шесть в добавление к тем двум пулевым, которые он получил ещё раньше, под Ленинградом и Старой Руссой. Забинтованный с ног до головы, как мумия, медленно оживая, Титов пролежал в подвале медсанбата почти весь тот месяц, пока плацдарм оборонялся. Как и других раненых, переправить его на «Большую землю» не смогли. Вражеская блокада сжимала кольцо. Чтобы спасти остатки десанта, командование армии отдало приказ пробиваться на север в район Ак-Буруна. Но как пробиваться с такой массой раненых? В Эльтигенских развалах, в подвалах и пещерах под кручей их лежало около тысячи. У Петра Павленко об этом сказано так: «Когда батальон Белякова пошёл на прорыв, раненые остались, им предоставили право самим добираться на тот берег». Странная фраза, не правда ли? Беспомощным людям предоставили право самим

одолеть двадцатикилометровую ширь пролива, по которой к тому же курсируют вражеские быстроходные бронебаржи! Мне кажется, П. Павленко написал так уклончиво, чтобы военная цензура не почувствовала крамолы. Кто задумается, тот поймёт: люди были брошены на произвол судьбы. Легкораненые, способные хоть как-то передвигаться, присоединялись к уходящей на север колонне, другие, из самых отчаянных, искали хоть какое-то средство для переправы, даже привязывали себя к доскам. Так спасся, например, десантник Никифор Николаевич Коваль. Посреди пролива, замёрзшего в ледяной воде, его подобрал наш катер. Но таких были единицы. Участью раненых эльтигенцев стал немецкий плен. Как и большинства тех, которые после боёв на Митридате пытались уйти из окружения степью.

Ошибки и поражения бывают во всякой большой войне. И с этой неудачей легко было бы примириться, если бы здесь проявились обычные в таких случаях факторы: неоправданный риск, просчёт в оценке сил противника и т.д. Но, по мнению многих участников десанта, тут роковую роль сыграли невысокие человеческие качества командира 318 дивизии полковника Гладкова и командующего Южным фронтом генерала Петрова. Доложив Сталину о первоначальном успехе, они потом

побоялись сказать ему правду. Страх перед необузданной волей Верховного сковал их действия. И небывалый, ни с чем не сравнимый героизм десантников не только обернулся провалом операции, но и страшным позором, массой раненых, оставленных врагу. Сталин людей не жалел, это факт, и, однако, можно не сомневаться, он всё сделал бы, чтобы раненые не остались. Такой крупный прецедент безоговорочно подрывал его жёсткую концепцию по отношению к советским бойцам, попавшим в плен. Противнику давался крупный пропагандистский козырь.

Среди керчан ходили разговоры, я их тоже слышал, что фашистский генерал, отдавая должное мужеству эльтигенцев, приказал своим солдатам пройти мимо наших раненых строевым шагом. Не знаю, точных сведений о таком поведении противника у меня нет. Но то, что этот случай немцы использовали в своей пропаганде, стараясь у наших бойцов вызвать вражду к советскому командованию, а у своих поднять боевой дух — сомневаться не приходится.

Наших раненых долечивали немецкие и румынские врачи. Разумеется, лечили по-разному. В госпитале степного села Марфовки врач-фашист, не желая попусту тратить силы, умертвил, отравил ядом троих наших тяжело-раненых бойцов. И сам был приговорён за это

местными подпольщиками-антифашистами к смерти. Об этом рассказано в документальной книге Л. Лохманова «Ещё одна страница», Крым, 1966 год. Немецкая военная промышленность требовала всё новых и новых людских ресурсов, — раненых ставили на ноги и отправляли в Германию. Многие из плена не вернулись. Одних пристрелили при попытке вырваться за колючую проволоку, других довели до смертного истощения голодом и тяжёлой работой, третьи, помня пережитые на родине обиды и не ожидая там для себя ничего хорошего, подались после войны не на восток, а ещё дальше, на запад. Четвёртые, совершив побег из немецкого лагеря, сумели связаться с французскими или голландскими антифашистами, до конца войны боролись в их рядах и потом там же создали семьи, прижились в этих странах.

В январе 1945 года фашистский концлагерь Ашендорф №3 близ голландской границы подвергся ночному налёту английской авиации. Бараки рушились и горели, охрана спасалась, как могла. А заключённые кинулись на волю, за смятую взрывами колючую проволоку. В числе сбежавших из Ашендорфа №3 был и Георгий Титов. Он перебрался через границу и нашёл приют у голландских крестьян, ненавидевших оккупантов. До конца войны был активным участником тамошнего

антифашистского движения. Затем несколько месяцев работал в наших органах по депортации советских граждан, а в конце 1945 года вернулся на Родину, в Севастополь.

Родился-то он в 1921 году в городе Чернигове. Из-за семейных неурядиц отрочество провёл в интернате, учился потом в фельдшерско-акушерской школе, но оставил её и поступил в Ленинграде на курсы судоводителей. Перед войной успел порыбалить на Азовском море, водил фелюжку в рыбколхозе «Сыны моря» возле острова Бирючий. В Севастополь же он теперь поехал, поскольку там находилось командование Черноморским флотом, представившее его в ноябре 1943 года, наряду с другими отважными эльтигенцами, к званию Героя Советского Союза. Он надеялся получить свою Золотую Звезду, затем он хотел устроиться на какое-нибудь судно по своей судоводительской специальности. Не тут-то было! В заслуженной награде ему, как бывшему пленному, отказали. Видимо, по той же причине, а также из-за ранений, сильно впечатлявших медкомиссию, вернуть его на службу или устроить на какое-нибудь вспомогательное судно тоже не сочли возможным. Единственное, чем судьба улыбнулась Титову в те дни, была просьба писателя Петра Павленко приехать к нему в Ялту.

Они встретились и хорошо поговорили. Следом за очерком Павленко хотел писать о героё-черноморце повесть, но «компетентные люди» ему отсоветовали: повремените, мол, как-никак бывший пленный, идёт проверка. Видя к себе такое отношение, Титов сильно обиделся, махнул на всё рукой и поехал на Харьковщину к любимой девушке Галине, с которой подружился в Германии, когда помогал нашим оккупационным властям. Он-то надеялся с нею жить в Севастополе. Не получилось; решил: что ж, не пропадём и в селе.

Первые пять лет молодым, как и всему послевоенному трудовому люду, жилось тяжело. Родилась девочка Алла, потом Валера, мальчик, — забот прибавилось. Чтоб прокормить семью, Георгий Михайлович брался за любой труд. Начал работать в сельской школе. У него проявились недюжинные задатки педагога. Тут всё пошло в ход: и опыт войны, о которой он сумел рассказать правдиво, ярко, и способности к рисованию, музыке, обнаруженные ещё в интернате. Но главное, чем он полюбился детям и взрослым, было его кипучее жизнелюбие. Днём работал, вечерами готовился к поступлению в пединститут.

Всё складывалось как нельзя лучше. Но весной 1951 года на семью вдруг обрушива-

ется страшный удар. По ложному доносу Георгия Михайловича арестовывают, сажают в тюрьму, и суд выносит приговор: двадцать лет лишения свободы и поражения в правах! За что? За измену Родине. Как, на каком основании? На том, что настоящий Георгий Титов убит и покоится в братской могиле, а этот — самозванец, присвоивший себе имя героя. И в Германии он, оказывается, работал на американскую разведку. Обвинение было чудовищным, шито белыми нитками. Однако, все доводы, которые он приводил, пытаясь оправдаться, натыкались на глухую стену. Его попросту не слушали. Уже однажды преданный, брошенный своим командованием на волю врага, он понял, что от службистов, взявшихся за его дело, можно ожидать любой крайности. В одну из ночей, на перегоне арестантского эшелона к местам заключения, он пробивается сквозь стражу и бежит. Подробно об этом событии он не рассказывал даже близким друзьям. Лишь однажды сказал, что его на это толкнуло отчаяние. Побег был предельно дерзким, из тех, которые почти всегда обрываются смертью. Но он уже ходил по её краю в Германии, когда бежал из фашистского плена. Повезло ему и на этот раз.

Глава вторая

В том же, 1951 году, когда Г. М. Титова арестовали, в Ялте, в возрасте 52-х лет умер писатель Пётр Андреевич Павленко. Разумеется, такое совпадение во времени могло оказаться случайным. Но присмотримся к некоторым обстоятельствам, причастным нашей теме. Пётр Павленко был приближённым к Сталину человеком, его другом. В Ялте они много вечеров провели вдвоём, вместе ужинали, иногда беседовали ночи напролёт... О том, что герой его очерка обвинён в измене Родине, осуждён на двадцать лет и сбежал из-под стражи по пути к месту заключения, утаить от писателя, понятно, не могли. А услужливый Берия, второе лицо в государстве, страшно ревновавший и до десятого колена проверявший всякого, кто становился приближённым вождя, наверняка не без удовольствия доложил об этом Сталину. Мол, Иосиф Виссарионович, кому вы доверились? Каждый такой намёк Сталин воспринимал очень болезненно. Не менее тяжело переживал свою «ошибку» и Павленко. А может быть, именно её он и не пережил. Не исключено, что Берия, не желая никого видеть между собой и Сталиным, всю эту операцию и разыграл, и довёл до конца.

После побега Титов как в воду канул. Тут уместно сказать, что все подробности жизни Георгия Михайловича взяты из личных его воспоминаний, хранящихся в керченском музее, а также из рассказов его взрослых детей, друзей, бывших соседей. Очерк П. Павленко найти в архивах не удалось, — возможно, он был изъят из обращения. Небольшим отрывком он дан в статье киевского журналиста К. Григорьева «Три встречи с Георгием Титовым», опубликованной в сборнике «Ваши знакомые», Киев, 1966 год. Из этого отрывка и взята павленковская фраза об оставленных раненых, приведённая ранее. Добавлю к этому, что я сам был знаком с Георгием Михайловичем: нас вместе, ветерана и литератора, приглашали на встречи в молодёжные общежития, в школы. Дружбы не было, этим похвалиться не могу, беседовали же неоднократно. Ни в беседах, ни в воспоминаниях, которые хранятся в музее, Титов про обстоятельства побега и про годы, проведённые в бегах, не говорил ничего. Какими они были, можно только догадываться.

Однако, через недолгое время он тайно возвращается к жене и детям. Начинается многолетняя кочевая, страхом наполненная жизнь. Где их только не носило, — по Харьковской, Запорожской, Киевской, Ворошиловградской, Крымской областям, по глухим

хуторам и шахтёрским посёлкам. Приезжали, начинали строиться, обзаводиться хозяйством; но едва Титов замечал к себе со стороны какое-то внимание, тотчас поднимал семью в новый путь. И всегда старался не испугать, сделать это как бы нечаянно. Например, доставая карту Украины, которую возил всегда с собой, и вдруг оборачивался к жене: «Галочка, подойди, глянь, какие есть на свете прекрасные места! Вот — тихая речка, лес. А там грибы, земляника, дрозды поют. Давай поедем, а? Ну, что мы застряли на этом степном суходоле? Давай, красавица, дети будут так рады. Всё, решено!» Или вдруг начинал расхваливать шахтёров, их заработки. При его ранениях ему и близко нельзя было подходить к шахте, однако, в Красном Луче он ухитрился получить от медицины нужную справку и поступил крепильщиком на шахту, на крутые пласты. Сколько-то проработал — случилась беда, попал в завал, повредил позвоночник. И три месяца пролежал в больнице навзничь на твёрдой доске. Его старшая дочь Алла Георгиевна вспоминает, какие это были для семьи трудные времена. Отец же и на доске не унывал. Тогда, после смерти Сталина, он ожидал от жизни каких-то больших, хороших перемен.

Вспоминая отца, Алла Георгиевна разволновалась, раскраснелась, помолодела, — ни

за что не скажешь, что ей под пятьдесят, удивительно, как людей красит искреннее чувство.

— Папа для нас, детей, всегда был праздником, — говорит она. — всё самое хорошее к нам приходило через него. Помню, я маленькая, пятилетняя. Папа приходит с новой детской книжкой и говорит: «Вот, Алла, если ты эту книжку за сегодняшний вечер и завтрашнее утро выучишь на память, мама тебе сошьёт новое розовое платье, и мы пойдём в клуб на праздник!» А читать я уже умела. Книжка была «Федорино горе», про хозяйку-неумеху, от которой разбежалась вся посуда, потому что Федора ленилась её мыть и чистить. Я прямо вцепилась в эту книжку и выучила. И точно, утром, золотая наша мама пошила мне новое платье, мы пошли в клуб, и там при всём народе, стоя на стуле, я громко и отважно рассказала эту сказку. Все хохотали прямо до упаду, и нашей с папой радости конца-краю не было. Папа очень любил людей, — и его любили. Он хорошо рисовал карандашом, тушью, красками. Его рисунки помещала мариупольская районная газета. А какой он был музыкальный! умел играть на всех инструментах, на скрипке, мандолине, балалайке, гитаре. Возьмёт инструмент, покрутит, приноровится, трень-брень, трень-брень, и уже смотришь, полилась знакомая мелодия.

Где он появлялся, там сразу начинали возникать новые кружки, самодеятельность.

Алла Георгиевна показывает мне старую фотографию, проводы семьи Титовых из хутора Степок Запорожской области, их последнего местожительства перед Керчью. Хутор Степок, рыбколхоз «Сыны моря» сыграли в жизни Титовых особенную роль. Здесь Георгий Михайлович работал до войны и сюда возвращался при самых трудных поворотах судьбы. Перед отъездом уже и Валера, сын-школьник, рыбалил с отцом в колхозе. И вот жители этого крохотного селения, вдвое меньше Эльтигена, все от мала до велика собрались Титовых провожать. В центре фотографии мама Галина Семёновна с уже тяжёленькой Светой на руках. Света попросилась на руки, боясь, что при таком скоплении народа не будет видно. Отца на снимке нет, — он-то как раз фотографирует, чтоб осталась память об этой местности, так похожей на нашу керченскую сельщину, и обо всех этих хороших людях. На лицах провожающих печаль, изумление, радость. Это надо же! Работал человек в колхозе завклубом и простым рыбаком, водил фелюжку и катер, был затейником, душою всех праздничных гуляний, на собраниях сидел не в президиуме, а где-то на задних рядах — и вдруг оказалось,

что он настоящий герой, о нём пишут центральные газеты, за его семьёю военные моряки из Керчи присылают специальную баржу-самоходку. Чудеса да и только!

Чудо произошло в мае 1965 года. В двадцатую годовщину Победы «Литературка» перепечатала из флотской газеты старый очерк Петра Павленко. Повторила его не потому, что нечего было напечатать для такой торжественной даты. Думается, все эти годы органы безопасности продолжали, хоть и тихой сапой, вести дело Титова и выяснили, наконец, его полную невиновность. Стало быть и писатель Пётр Павленко не совершил никакой ошибки. Своей публикация «Литературная газета» как бы ставила на этом точку. Под очерком была приписка, что, к сожалению, ничего о дальнейшей участи героя и жив ли он, редакции неизвестно: будем благодарны, если кто-нибудь знающий отзовётся.

Каким путём и через сколько дней попал этот номер газеты в хутор Степок, не могу сказать. Но какую бурю чувств он вызвал в семье Титовых и у колхозников — можно ощутить и ныне, прочитывая строки, написанные его, Титова, собственной рукой, из письма в редакцию и Министру Обороны: «Я, Георгий Михайлович Титов, жив! Расстреляйте или дайте жить!»

Вот тогда-то Титова и пригласили на жительство в Керчь; по приказу командующего флотом за его семьёй пошла военная баржа-самоходка. Думали: придётся перевозить большое хозяйство, семья-то не маленькая, трое детей, но почти никакого имущества у них не было, только те гостинцы и подарки, что дали в дорогу соседи.

Баржа подошла к керченскому причалу рано утром, все её большие и маленькие пассажиры стояли на палубе. Жадно смотрели на город, которому было суждено стать для них навек родным. Этот момент полон был такой красоты и волнения, что ничего подобного не мог бы вызвать и гриновский бриг с его алыми парусами. И это была не сказка, а явь. Командование флота из своих фондов выделило семье трёхкомнатную квартиру в новом доме. Правда, этот дом ещё достраивался, — четыре месяца пришлось жить в общежитии. Стараясь ускорить переселение, Георгий Михайлович каждый день ходил, помогал строителям.

До сих пор многие помнят, каким прекрасным было это новоселье. Поздравить и обнять Титова приехали боевые друзья. В трёх комнатах их собралось не менее сорока человек. Были там и моряки из 386-го отдельного батальона морской пехоты: лейтенант Пётр Дейкало, старшина первой статьи Игорь Аннен-

ков, командир того самого мотобота, с которого они высаживались; был там лейтенант Никифор Коваль, подобранный на доске посреди пролива; был там и главный старшина Павел Федоренко, моряк, подхвативший плащ-палатку с раненым командиром, когда убило Сергея Каменца... От Титова они не отходили, куда он, туда и они, — и то один, то другой срывал кулаком слезу. Не могли наглядеться на живого. Новоселье шумело до утра.

Георгию Михайловичу нашлась в Керчи и подходящая работа: он стал директором клуба юных техников при железорудном комбинате. Отдался этому делу со всем пылом души. В то время мало кто из керчан знал, какова была его жизнь до переезда в Керчь. Но хватало и того, что знали.

Столько в нём было ума, ответной теплоты. Так живо и без бахвальства он рассказывал о войне, что люди к нему тянулись, наперебой приглашали в школы, на предприятия. Однако не раз я замечал, как во время выступления он вдруг прерывал рассказ, — скулы его каменели, глаза наполнялись слезами, рот вздрагивал и перекашивался. Он не мог говорить всей правды. Горкомовские работники просили его: пожалуйста, своё мнение о полковнике Гладкове и брошенных раненых оставьте при себе, сосредоточьтесь на

героических поступках. И он сдерживался. После всего пережитого, намыкавшись с семьёю по чужим квартирам и своим недостроенным домам, он не хотел на оказанную честь отвечать излишней строптивостью. Теперь, читая листки его воспоминаний, видишь, каких усилий это ему стоило.

Но Титова волновало не только прошлое. Честный человек, истинный патриот, он не мог спокойно смотреть на чванство партийной элиты, на звёзды Брежнева, на чудовищные ошибки, допускаемые во внешней и внутренней политике. Тут его прорывало, он высказывался смело и откровенно. Однажды при мне зашёл разговор о Чехословакии, о том, с какой неприветливостью, а порой даже и враждебностью встречают советских туристов после памятного 1968 года. Георгий Михайлович так и вскинулся, глаза его засверкали.

— А что же вы хотите? — сказал он. — Братья-славяне решили обновиться, строить социализм с человеческим лицом, а мы сразу в крик: «Контрреволюция!» И шлём танки. Опозорились на весь белый свет. И ещё обижаемся, что нас не пирогами встречают? — Вот вам, а не пироги! — и показал собеседнику шиш.

Очень выразительно это у него вышло. Это была боль человека, который хотел гордиться своей Родиной, страшно за неё переживал.

Инвалид войны, он работал за троих. Помимо хлопотного руководства клубом юных техников, помимо лекций, бесед и встреч, на нём ещё лежал долг помощи друзьям-ветеранам, приезжавшим к нему отовсюду: и бывшим пленным, и просто ищущим справедливости людям, которые к нему обращались. Собственное благополучие его совершенно не волновало. Людей же, чувствуя их правоту, он поддерживал, как только мог. Выслушивал исповеди, писал заявления, прошения, ходатайствовал. Временами, стараясь помочь, убивался за других так сильно, что сам потом ходил больной.

Доставалось и от своих близких, обиженных и измученных тем, что он весь растрачивается на стороне. Этой трудной проблемы касаться не будем.

Кто из активно живущих людей не имеет недругов? Были они и у Титова. И уже опять начали болеть, открываться раны: опять воспалились печень и желудок, заставив припомнить фашистские лагеря, где к вареву из отрубей добавлялись древесные опилки. Эта боль не уходила, давала себя знать все ски-

тальческие годы, — теперь же боли становились подчас невыносимыми. Работу с юными техниками пришлось оставить. Он перевёлся в спецучилище № 5 воспитателем. Последней его должностью был пост охранника в лодочном гараже на дальней окраине города, в Жуковке.

Году, кажется, в семьдесят девятом, я его встретил около судоремонтного завода поджидающим автобус, в полинялой полосатой пижаме и тапочках, страшно исхудалого. Похоже, он сбежал из больницы. Я неумело пошутил, сказал, всю-то свою жизнь вы, Георгий Михайлович, откуда-то сбегаете.

Он махнул рукой и ничего не ответил.

Но вспоминаю я его не таким. Вспоминаю за сколько-то годов до того, счастливым и бодрым. Девятого мая на Митридатe, посреди великого праздничного многолюдья. Был там такой эпизод. Привезли бочку свежего пива, девушка-продавец долго возилась, выколачивая из неё деревянный чоп, — и вдруг этот чоп вырвался. В небо ударила пенная струя, орошая праздник пивным дождём. Народ возопил от восторга, засмеялся. Девушка растерялась. А один из пирующих подскочил, выхватил у неё насос и, смеясь, начал его устанавливать. Это был Георгий Михайлович. Он усмирил бочку, мускулистыми крепкими

своими руками ввернул, ввинтил в неё патрубок насоса и сам же первый начал напенивать кружки желающим. Ветеранам наливал в первую очередь. Подзывал:

— Николай, айда сюда, освежи душу! — Саня, попей свеженького! А не копошись в карманах, я угощаю! Угощаю, ребята, подходи!

Девушка испугалась:

— Дяденька Титов, спасибо, но дайте я сама, а то вы меня разорите.

— Не бойся, красавица, не разорю, я наливаю, а ты считай: — оплата моя!

И продолжал одарять ветеранов.

Прекрасная была минута, хохот, смех стоял кругом. Сам он из-за болезни пива не пил, водку едва пригубливал, но угощение друзей было его страстью, до последней копейки.

Какой он был в те минуты красивый, — синеглазый, с этой своей синей, порохом обожжённой щекою: эта отметина войны ни сколько его не портила.

По всем распадкам и склонам Митридата перекатывались песенные хоры, — один хор наплывал на другой и тут же набирали силу голоса третьего. Страстные глаза Титова горели счастьем, он готов был обнять всю эту

праздничную гору. Глядя на него, я позавидовал: «Вот, не зря жил человек, не зря воевал».

Георгий Михайлович умер 14 сентября 1981 года. Природой этому богатырю было отпущено здоровья на полтораста лет, а он прожил только шестьдесят.

И я сейчас думаю: если мы в эти трудные пьяные времена забудем наши тризны на Митридате, забудем Титова, героев Эльтигена и Аджимушкай, если их место в наших душах, в умах нашей молодёжи займут новые оборотни с толстыми бумажниками, на «мерседесах», — свершится непоправимое, мы предадим сами себя, окажемся гнилью, худшими из длинной череды поколений.

Хочу верить, что этого не произойдёт.

Марина Молодцова

член СРПВК

ДЕТИ ВОЙНЫ

Какое ёмкое и страшное словосочетание. Дети войны долгое время были в тени потому, что были живы многие ветераны войны, которые могли и имели право рассказывать о войне, о цене Победы. Но их становилось всё меньше и меньше и дети войны, как связующее поколение, должны сказать своё слово, чтобы потомки погибших в горниле войны, знали о ней правду, гордились своей страной, несли эту эстафету дальше, через века, иначе снова придёт беда, — название которому нацизм и фашизм, который давно поднял свою голову, в начинающей подзабывать горькие уроки истории, Европе, а сегодня уже охватывает многострадальную Украину.

Я сама отношусь к поколению детей войны, но я родилась в 1944 году и войну помнить не могу. Но тяжёлое послевоенное голодное детство навсегда отпечталось в моей памяти.

В предлагаемом очерке я хочу рассказать о двух судьбах реально существующих и живущих рядом с нами людей, — скромных, мужественных, порядочных — и попытаться найти истоки их несгибаемого жизнелюбия и оптимизма.

СКВОЗЬ ГОДЫ И НЕВЗГОДЫ...

Бориса Васильевича Конограя и его семью я знаю уже больше 20 лет — это наши соседи по лестничной площадке. Человек, равнодушный к проблемам дома, он постоянно что-то организует: газификация дома, благоустройство двора или контроль за исполнением услуг ЖЭКом. Будучи давно уже на пенсии, он ни минуты не сидит без дела: хлопотет на даче, в лодочном гараже, уделяет внимание двум внукам и двум дочерям, а ведь он несколько лет назад похоронил свою единственную и горячо любимую жену Евгению. Не опустил руки, не сдался на милость судьбы. Не сломался. Откуда истоки такого характера?

...Родился Боря 28 мая 1938 года в станции Фанталовская, Темрюкского района, Краснодарского края. Ему было всего три года, когда началась война. Отца, Василия Васильевича, после небольшой армейской подготовки отправили на фронт. Больше Боря его не видел. Шли письма с фронта, которые бережно хранятся, как ценнейшие реликвии, в семье Конограев. Он, пройдя всю войну рядовым пехоты, погиб в Польше 14 января 1945 года, где и был похоронен. Но об этом чуть позже.

А пока, осенью 1941 года, всю семью: маму, Клавдию Михайловну, трёхлетнего Борю, семилетнюю сестру Иру и четырнадцатилетнего брата Лёву, немцы, которые уже хозяйничали в станице, погрузили на телеги и подвезли к керченской переправе.

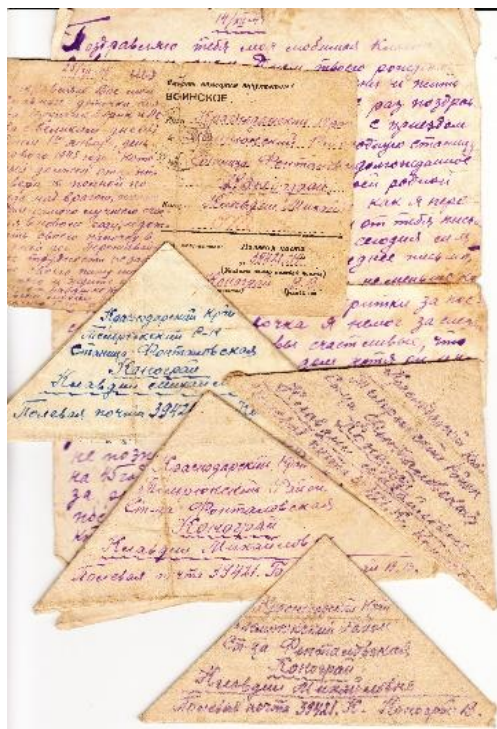
Подводы уехали назад, а около 200 семей, в ноябрьской слякоти, три дня ожидали баржу, на которой были переправлены в оккупированную Керчь. Они расселялись по всему Крыму. Семья Конограев была определена в районе села Отважное, за Феодосией. Три года жили в землянке. Село охраняли румынские войска. Голодали страшно. Летом и весной хоть какие-то травы, коренья, фрукты. Зимой многие умирали от голода и холода. После освобождения Крыма, в апреле 1944 года, семья вернулась на Кубань. К счастью

их дом уцелел, так как в нём размещался штаб немцев, а во дворе мастерская, где осталось много запчастей для ремонта авиатехники (в 2 км. находился полевой аэродром). Целых домов в станице оставалось мало.

Семья отремонтировала дом, расчистила огород, заросший будяками, которые рубили и использовали, как топливо. До 1949 года ничего не росло на их запущенной земле, так как зимы были суровые, пролив замерзал, даже деревья вымерзали.

В 1947 году умер от голода старший брат – подросток. Но постепенно восстанавливали колхоз. Появились первые МТС и земля, понемногу, приходила в себя.

Несмотря на малый возраст, Борис Васильевич хорошо помнит 9 мая 1945 года. К тому времени была восстановлена телефонная связь и радио — у них в доме полгода жили связисты. По радио вся станица и узнала о конце войны. Что тут было! И кричали, и плакали, и смеялись! О том, что отец погиб, узнали намного позже: 21 декабря 1945 года об этом им сообщил Темрюкский горвоенкомат. И только в мае 1985 года, после длительных поисков могилы отца, Борис Васильевич побывал в Польше, в городе Калишу, в 200-х км от Варшавы, на братской могиле № 627. Оттуда он привёз горсть земли на родину. А

письма — треугольнички, которым удалось разыскать своих родных, до сих пор бережно хранятся. Последнее письмо пришло незадолго до гибели, где отец писал, что предстоят тяжёлые бои и форсирование Вислы. В ходе этих боёв и погиб рядовой Василий Васильевич Конограй.

В моих руках эти пожелтевшие от времени, сотни раз перечитанные фронтовые треугольнички писем. «...Живите с надеждой на будущее, молитесь за меня. Жив останусь,

вернусь с великой победой к вам, мои ангелочки. Какая тоска по своей дорогой Родине, как её хочется видеть, да жаль, что разъединяет наши жизни не одна тысяча километров». (Из письма от 28 декабря 1944 года). А вот последняя весточка: «...Берегите мои за-

писочки. Может они вам только и будут памятью обо мне. 10 января 1945 г.»

А жизнь брала своё. В 1953 году Борис закончил 7 классов, затем, в Керчи, металлургический техникум по специальности: «Разработка рудных и россыпных месторождений».

На практике был в г. Шахты под Кривым Рогом, на преддипломной на Урале, под Нижним Тагилом (г. Благодать). В 1957 году по окончании техникума, получил направление на шахту им. Коминтерна в г. Кривой Рог на должность горного мастера. Служба в рядах Советской Армии. Всё, как у всех. В 1960 году вернулся на Кубань, в посёлок Сенное, Темрюкского района, мастером горного участка. В 1962 году пережил тяжёлую травму: сбила машина. Перевезли в Керчь, где было много родственников и где в больнице водников, его подняли на ноги.

В это время, КСУ №117 набирал мастеров, прорабов. Были командировки по всей Украине, принимал участие в строительстве Северо-Крымского канала, ЖРК, завода «Залив». В 1970 году закончил Одесский инженерно-строительный институт, заочное отделение, по специальности: «Промышленное и гражданское строительство». Принимал участие в строительстве кислородной станции «Ямбурггазпромстрой» в 1986-87 г.г. В 1993 году в возрасте 55 лет вышел на пенсию.

Свою единственную встретил в Керчи в 1964 году. Евгения Семёновна Потичук тоже в своё время училась в Одессе в политехническом институте по специальности инженер-электромеханик. В 1965 году родилась первая дочь Светлана, в 1970 г. — Ольга. Пять лет

жили в 10-метровой комнатухе в коммунальной квартире.

Потом переехали в отдельную 3-х комнатную, в которой живут и по сей день, но теперь уже без мамы. Да и Оля с сыновьями живут отдельно.

Единственная мечта Бориса Васильевича: пожить подольше и передать свой жизненный опыт, навыки и знания, свои воспоминания и память об отце, как эстафету, — двум внукам, которые ещё учатся в школе и так далеки от прошлого в дедушкиной жизни.

Будем надеяться, что они повзрослеют и поймут, что таким людям, как дедушка Боря, нынешнее поколение обязано многим и они будут гордиться им, и сохранят семейные реликвии — эти бесценные фронтовые письма и пожелтевшие фотографии, как самое богатое наследство.

ВАЛЯ-ВАЛЕНТИНА

В популярных толкователях имён я нашла такие строки об имени Валентина: «С большой теплотой и доверчивостью относится к людям и всегда готова всем помогать. Стоит

Валентине узнать о ваших проблемах, как она сразу сама предлагает свои услуги. Валентина – чудесная хозяйка, заботливая мать».

Это точь в точь о моей героине. Я знаю Валентину Владимировну Кволек около 15

лет. Мы познакомились на почве сетевого бизнеса. Сетевой бизнес — это тяжёлая ноша. Очень многие начинают, но не все выдерживают. Мне было 55-ть, когда я начала интересоваться сетевым бизнесом, а Валентине Владимировне — 69-ть. Откуда она брала силы и веру, что у нас всё должно получиться? Бизнес — это громко сказано. Вопрос шёл об элементарном выживании и мы, поддерживая друг друга, строили свои структуры, ездили на семинары и каждый нашёл свою маленькую нишу, в разных компаниях, но российских, — в этом мы были едины: не хотели продвигать американские товары.

Чем больше я узнавала Валентину Владимировну, тем больше восхищалась её оптимизмом, добротой, человеколюбием, её жизненным кредо. А оно у неё было и есть очень простое: «Не жалея, что было; не живи уныло; не гадай, что будет. Береги, что есть!»

... Валечка Кочмарская родилась в Керчи 12 декабря 1931 года. Училась в школе № 10, что до войны была на улице Кирова, недалеко от торгового порта. Перешла в 3-й класс, когда началась война. Ул. Кирова, 44, — одноэтажный дом, многонациональный состав, 9 семей, — жили все дружно. Двор был любимым местом и взрослых и детей. Папа Валентины работал мастером на мясокомбинате, мама — домохозяйка, так как воспитывала

младшего сына Николая, которому было всего три годика, когда первые бомбы стали падать на Керчь. Десятилетняя Валюша, в одной из бомбёжек, получила ранение в ногу и до сих пор под коленом сохранился шрам. Кроме ранения Валя получила контузию, её взрывной волной ударило о стену комнаты и головные боли тоже проявлялись в её жизни ещё долго. С предприятием отца эвакуироваться не успели. В городе стало оставаться страшно и семья Кочмарских перебралась в Булганакские катакомбы. Но становилось голодно и холодно и стали семьями продвигаться к Сивашу, к перешейку. Везде хозяйничали фашисты. Оккупация, — это страшно: за любое малейшее неповиновение — расстрел. Родители работали, где прикажут. Надо было выжить. Детей и подростков периодически вылавливали и отправляли в Германию. Валю прятали добрые местные жители и ей удалось избежать участи угнанных в Германию, а братик был ещё мал и всегда был при маме.

Как выжили? Как все. Жили с единственной верой, что этот кошмар когда-то закончится. Наконец пришло освобождение. Присивашье было освобождено, но папу поместили в советский проверочный лагерь, такой была участь всех мужчин, оказавшихся на оккупированной территории.

Лагерь находился на Донбассе недалеко от шахты «Холодная балка», но о том, где папа, узнали не сразу. Мама его разыскала и вся семья сразу же перебралась в «Холодную балку».

Валя носила к тайной условной щёлочке в лагерной ограде еду для отца. Хотя Керчь уже была освобождена, но дом их был разбит, и покидать отца семья не хотела. Там и застал их день Победы, — 9 мая 1945 года. Валентина Владимировна помнит, какая радость была для всех, — передать и забыть это невозможно.

Все заключённые лагеря работали на шахте. Маме давали свидания с отцом. В 1946 году родилась сестричка Лидочка и мама получила в подарок шоколадку и набор продуктов из американской гуманитарной помощи. Валя училась в 5 классе в школе, а после уроков помогала соседке, работающей в магазине. Она подклеивала хлебные карточки для отчёта и соседка, тщательно собрав крошки хлеба в кулёчек с доски, где он нарезался, отдавала Валюше. Это был её заработок, из которого мама дома лепила лепёшечку и делила её между детьми.

После длительной проверки, дело отца было закрыто. Никаких порочащих действий не установили и вся семья переехала в Феодосию к бабушке и сёстрам отца. Вся семья

ехала в товарном вагоне, половина которого была занята углём. Этот уголь отец получил в качестве зарплаты за годы пребывания в лагере.

Отец снова работал на мясокомбинате. Валя, по возрасту, уже пошла в 7-й класс. Но семью тянуло в Керчь и они вернулись. Поднимали Керчь, поднимались сами. Валя работала коллектором в геологосъёмочной партии и училась в вечерней школе и геологосъёмочных курсах. Безумно любила море, корабли и, естественно, что поехала учиться в Одессу, в институт морского флота на инженерно-экономический факультет. Факультет через год перевели в Ленинград, а там она встретила свою судьбу, которая жила в общежитии через дорогу. Кволек Микулаш, словак из института физкультуры, становится её мужем, единственным, но не на всю жизнь. Поженились в 1954 году, а по окончании института, в 1957 году, Валентина уехала в Чехословакию в г. Пришев, к мужу. В 1959 году родился первый сын — Володя. Валя осваивала язык, обычаи страны, новой семьи. Работала в системе водоснабжения города. Очень любила мужа. А красавец Микулаш был тренером девичьей баскетбольной команды. Соблазн велик. Микулаш попадает в грязную историю, — связь с несовершеннолетней... Получает срок...

... Второй сын — Валерий, родился в 1961 году уже в Керчи. Валентина ничего не знает и не хочет знать о муже.

Работает в торговом порту до самого выхода на пенсию в 1986 году. Получает квартиру, растит сыновей, даёт им образование, живёт только ими. Всегда улыбающаяся, среди людей, излучает тепло и свет. Сейчас живёт в доме уютном и светлом, построенном сыновьями и вместе с ними.

Дитя войны, вместе со страной выжила, выросла, состоялась. Ветеран труда порта, любила путешествовать, окружённая людьми, любимая детьми, гордая, стойкая, негибаемая, верующая в Бога и в хороших людей, тёплая, излучающая доброту и лучистую энергию, красивая, мудрая женщина!

Живите долго, Валентина Владимировна!
Мир Вашему дому!

Сергей Молоцов

член СРПВК

Из серии о легендарном народе кош
КРАХ ПРОЕКТА VIKING

Лунная станция наблюдения за Землёй

На Земле дарило тепло бабье лето. Ещё бушевала изумрудная красота деревьев и красочное разнообразие цветов, но багрянец и желтизна осени уже начинали проступать в этой картине. Необычайно голубое небо, с дарящим тепло ласковым солнцем, пока ещё не укуталось в пасмурную облачную шаль. И в эту благодатную пору, на этой же необычайной планете, махрово расцветали сполохи по-

следствий разноцветных, как цыганские кибитки, революций. В XXI веке, в горнилах гражданских войн, гибли люди и нависла угроза эпидемии неизученного и неизлечимого вируса...

Только на наблюдательной околоземной станции «Селена» всё продолжало идти своим чередом: Гос сидел за схемами аппаратуры, Пун координировал работу исследовательских зондов Земли, юный Тим вёл наблюдение за датчиками контроля дальних границ, — корабли собов хоть и соблюдали договорённости, но время от времени наведывались к дальним подступам околоземного пространства.

Командир базы Анда, сидела рядом с Пинном за центральным пультом управления станцией и тихо беседовала с ним.

— Что ты думаешь обо всём этом? — задал вопрос Пин.

— А что об этом думать? Всё идёт так, как бывало не раз, в прошедших хронопериодах. Решение принимать не нам. Мы — наблюдатели и исполнители. Меня волнует другое, — Анда повернулась к Пину, — ты помнишь последнее решение Высшего Совета?

— Это ты о своём хронопереходе и спасённом лётчике?

— Да нет, Пин, тут Смол меня немного просветил. Открою секрет: мы, изредка, влияем на некоторые исторические моменты этой планеты. Вносим небольшие, но значимые для будущего коррективы, в те или иные события. Каждая новая группа на «Селене» занимается этим в течение своего хронопериода по указаниям Высшего Совета. Мой первый хронопереход был испытательным. А сейчас, в любой момент, может начаться работа по внедрению и изменениям.

— Тогда что тебя волнует? — Пин оторвал взгляд от пульта и посмотрел на Анду.

— Помнишь команду на нанесение ядерного удара по планете?

— Такое не забудешь! — встрепнулся Пин. — Уничтожить какую-никакую, но цивилизацию! Завершить ещё один хроноцикл...

— Да я не о том, Пин! Не мы — первые, не мы — последние! Я имею ввиду внезапную команду на самоликвидацию ракет!

— Фейрверк получился ещё тот! — развесялся Пин. — Ракеты рванули уже на подъёте к атмосфере! Какой великолепный «звездопад» наблюдали на Земле!

— Тебе всё шуточки, а я — о Совете! — с досадой бросила Анда.

— А что тебе сказали кураторы нашего проекта, Мава и Смол? — посерьёзnel Пин.

— Маву я не видела, а Смол сказал, что они опоздали на начало заседания Совета на 10 минут. Узнав о принятом решении, они тут же потребовали отмены ядерного удара. И добились этого, мотивируя тем, что не все возможности исчерпаны. Что необходимо, как можно больше вторгаться как в прошлое, так и в настоящее, а сломать построенное, можно успеть всегда. И если не останется никаких надежд на изменение этой цивилизации к лучшему, то...

— Понятно, — кивнул Пин. — Значит подошло время и для нашей группы.

— О чём я тебе уже столько времени и толкую! — раздражённо сказала Анда. — Заканчивается просто наблюдение. Начинается работа. И не просто работа, а ювелирная! Ошибки, даже мельчайшие, могут привести к катастрофе или вообще к непредсказуемым последствиям! А готовы ли мы к этой работе? Вот что меня беспокоит больше всего, Пин!

Они замолчали. Каждый думал о своём и об общем, которое их теперь ожидает. Лишь ничего не подозревающие — Пун, Тос и Тим, продолжали спокойно заниматься своей привычной, повседневной работой...

В здании Высшего Совета

Покидая Зал заседаний, Смол и Мава обсуждали принятые на Совете решения.

— Вот и решено, — говорил Смол, — нынешняя группа будет активирована. Но вначале, конечно, испытательные задания.

— А в каком временном отрезке ты планируешь проводить испытания?

— Скорее всего, в ближайшем прошлом. Попробуем их на XX веке.

— Но это же две страшные глобальные войны, Смол! — остановилась взволнованная Мава.

— И плюс ещё — куча локальных войн, переворотов и революций! — добавил Смол.

— Но это закалит их, научит осторожности, умению просчитывать различные варианты действий, а не выполнять строго запланированные. То есть даст развитие к самостоятельности в принятии решений.

Они, не спеша, пошли дальше, не прерывая начатого разговора.

— Скажи мне, — спросила Мава, — неужели в этих войнах и других значимых событиях ещё осталось что-то не изменённое нами? Ведь мы рискуем нашими подопечными!

— Осталось, Мава, — вздохнул Смол. — В глобальном масштабе сделано многое, но

при тщательном изучении любого периода времени, отыскиваются такие, на первый взгляд незначительные события, которые могут в корне повлиять на будущее, если их не скорректировать вовремя.

— И что обнаружили на этот раз? И где?

— «Викинг», Мава. В Германии периода 2-й Мировой войны.

— Это что, опять касается их ядерных разработок? — послышались взволнованные нотки в её голосе.

— На этот раз — нет. С ядерными вопросами и проектом «ФАУ-2» мы своевременно поработали. Там полный порядок. «Викинг» — перспективная разработка реактивного самолёта.

— Но у немцев реактивные истребители и даже истребители — бомбардировщики — не новость!

— Ты права, — озабоченно продолжил Смол, — но все они «сырые», недоработанные. Взять хоть «Me-262», хоть «Ag-234», хоть «He-178 В 1» — все они особой роли в войне не играли и угрозы не представляли. А вот возникший ниоткуда проект «Викинг» — способен в короткое время, без особых финансовых затрат, совершить революционный переворот в мировом воздухоплавании. Дело в том, что в руках у немцев появились технологии, позволяющие им в кратчайшие сроки переоборудовать и перевооружить существующие модели реактивных самолётов, превратив их в боевые машины XXI века!

— Откуда это у них, Смол? — замерла на месте, поражённая услышанным, Мава.

— Выясняем, — не стал впадать в подробности Смол. — Есть версия, что это работа собов.

— Но ведь Земля — наш проект! — возмутилась Мава.

— Наш, — согласно кивнул головой Смол. — И собы пока в него не лезут, соблюдая Договор, хотя их корабли и появляются время от времени на дальних подступах к «Селене». Но иного объяснения произошедшему у нас пока нет.

— И что будет предпринято?

— Дадим задание группе на «Селене». Ничего особо сложного и рискованного: просто сорвать испытательный полёт. Немцы сами тогда поставят на этом проекте жирную точку!

— А документация?

— Вопрос решится параллельно. В общем — разберёмся, всё просчитаем, подготовим и выполним.

— Понятно, — сказала Мава. — Но риск для исполнителя остаётся реальный. Ведь идёт война!

— Да вся наша деятельность построена на рисках! — повысил голос Смол. — Но мы должны попытаться дать шанс хотя бы этой цивилизации! Иначе опять начинать всё с нуля, с первозданного хаоса!

Мава, положив руки на плечи Смолу, посмотрела ему в глаза и, успокаивающе, сказала:

— Это наше общее предназначение, Смол. С этого пути не свернёшь!

Она потрепала его волосы, коснулась лёгким поцелуем щеки, и они молча пошли дальше, думая о предстоящем.

Германия. Секретная авиабаза люфтваффе

Сидящий во главе стола просторного кабинета обергруппенфюрер СС, смотрел на замерших перед ним людей, холодным, пронизывающим насквозь взглядом, готовой к броску кобры.

— Итак, господа, — подводил он итог совещания, — это ваш последний шанс. На счету уже две неудачных попытки. Если и на этот раз испытательный полёт провалится, — это будет и провалом проекта «Викинг», и вашим личным провалом!

Всеми вами займётся гестапо.

Присутствующие сидели не шелохнувшись, боясь даже глубоко вздохнуть. Обергруппенфюрер, сделав небольшую паузу, продолжил:

— Вы знаете, господа, насколько этот проект важен для Рейха. Но если испытания пройдут неудачно — он будет закрыт. У нас просто не хватает финансов, а главное — времени, чтобы продолжать работать над ним. Так что, молитесь Богу, господа, чтобы всё сегодня сложилось удачно! Для всех нас. И для вас, в частности! Хайль, Гитлер! — выбросив руку в приветствии, он поставил точку в совещании.

«Зиг хайль!» — гаркнули дружно в ответ, вскочившие участники совещания.

Там же, за 30 минут до испытательного полёта

Кавалер Железного Креста, лётчик-истребитель, гауптман Гюнтер фон Штернер, стоял у окна своей комнаты в жилом здании персонала авиабазы и вёл мысленный разговор со своим дядей Отто:

«Вот и наступил момент истины, дядя. Я, конечно, иду на верную гибель, но эта жертва оправдана. То, что ты не сдал меня на пытках в гестапо, придаёт мне дополнительные силы и поднимает дух на этот поступок. Я долго ждал нужного момента. И он настал. Ибо он — значим. Провал проекта «Викинг» — это удар по Германии Гитлера, по его безумным планам. И я выполню, предназначенное мне свыше, ради будущей, свободной от гитлеровской чумы, Германии! Я стану Ангелом мести за тебя, дядя, и за всех тех, кто погиб в борьбе против Гитлера!»

Гауптман отошёл от окна, надел свою лётную куртку и отправился на предполётный инструктаж группы воздушного прикрытия. По дороге он продолжил свой мысленный монолог, обращаясь к дяде — полковнику вермахта, расстрелянного в числе других заговорщиков, после неудачного покушения на Гитлера в его ставке в Виннице...

Там же, за 20 минут до испытательного полёта

В ангаре, где находился «Викинг» — модернизированный «Me-262» — завершались регламентные работы по его техобслуживанию. Наблюдавшие за работой авиамехаников и оружейников гестаповцы, уже основательно промёрзли и думали лишь об одном: как бы быстрее очутиться в тёплом помещении и принять добрую порцию шнапса. Холод и время притупили их внимание.

Стоящий на стремянке у хвостового оперения механик — Герман Либрехт, вдруг покачнулся и взмахнул руками. Вылетевший из кармана комбинезона гаечный ключ, со звоном упал к ногам офицера гестапо. Тот, автоматически, перевёл взгляд с механика на упавший ключ и снова воззрился на своего «подопечного». А восстановивший равновесие Герман, уже спускался вниз. Ему хватило этой пары секунд, чтобы прищёпнуть к хвостовому оперению компактную магнитную мину. Её он получил накануне, вместе с подробными инструкциями, от командира своей подпольной антифашистской группы.

— Что, Герман, перепил вчера шнапса? — усмехаясь спросил гестаповец.

— Никак нет, господин оберштурмфюрер! Просто подвернул случайно ногу!

— Тогда иди в лазарет! — махнул рукой гестаповец и пошёл к своим коллегам, наблюдавшим за другими механиками и оружейниками.

Регламентные работы завершились и Герман, прихрамывая, вышел из ангара.

Он знал, что мина сработает через 5 минут после взлёта «Викинга». У него оставалось 15 минут на отход. Пропуска на выход с базы он не имел, поэтому его эвакуацию подготовили с выдумкой: он должен был находиться вблизи машины приехавшего обергруппенфюрера. В момент катастрофы в воздухе, когда всё внимание начальства будет отвлечено на неё, Герман, в форме водителя (которая уже была надета под комбинезон), сядет в машину генерала и покинет базу. Тем более, что у центрального шлагбаума, подпольщики решили затеять небольшую заварушку, для отвлечения внимания охраны. Конечно, существовало много «но», просто иного варианта вывести Германа из под удара не просчитывалось. Тем более, что вычислить организатора диверсии, не составит для гестапо большого труда и он будет незамедлительно схвачен...

Там же. Время «икс»

... Первыми взлетели три пары «Ме-109», обеспечивающие воздушную безопасность...

... На взлётную полосу вырулил «Викинг», ожидая команды на взлёт...

... В кабине советского штурмовика «Ил-2», который предназначался для имитации воздушного боя с «Викингом», начал отсчёт 7-ми минутной готовности к взлёту один из опытейших асов люфтваффе...

... Кинооператоры начали съёмку...

... На командном пункте, с мощными биноклями в руках, стояли: приехавшее высокое начальство, командование базы и руководители проекта «Викинг»...

... У машины обергруппенфюрера, завязав разговор с водителем, нервно курил Герман Либрехт...

... Гауптман фон Штернер, заняв с ведомым назначенный «потолок», привёл в боевую готовность всё вооружение истребителя и ждал «Викинг» — свою мишень...

... Получив разрешение с командной вышки, «Викинг» начал разбег...

Лунная станция наблюдения — 2

Анда была вызвана в командную рубку. На связи находился Смол. Обозначив задачу и проинструктировав её, Смол спросил, кого она возьмёт в напарники.

— Пина, — ответила, чуть подумав, Анда.

— Он старше и опытней других.

— Хорошо, Анда, — согласился Смол, — тебе видней. Проведи подробный инструктаж и лично проверь хронокапсулы. Все системы. Особое внимание удели автоматике возврата. Обратный хронопереход вы будете проводить в ручном режиме, в зависимости от обстоятельств. Хотя ничего особенного не намечается, — всё будет проходить в строго рассчитанный отрезок времени, почти бесконтактно и в большинстве своём в режиме невидимости, — предусмотреть нужно различные варианты развития событий.

— Постараемся учесть как можно больше, Смол. Разрешите исполнять?

— Приступайте. У вас 30 минут на подготовку. Через 25 минут жду доклад о готовности.

Анда вышла из командной рубки и отправилась к своим коллегам в центр управления станцией. При её появлении, внимание присутствующих переключилось на Анду.

— Тос, смени Пина за пультом, а ты, — повернулась она к Пину, — на инструктаж. Для всех присутствующих: — сделав небольшую паузу, продолжила Анда, — мы, с Пинном, через 30 минут хронопультурируемся для выполнения задания Высшего Совета. Времени оно займёт немного — рассчитана операция на 5-10 минут. Твоя задача, Тос, сосредоточить всё внимание на блоке связи с хронокапсулами. Поскольку обратный хронопереход мы будем осуществлять в ручном режиме управления, — следи за показаниями блока. В случае каких-либо сбоев и отклонений от нормы — ничего не предпринимай без команды Высшего Совета. Пун, — обратилась Анда к следующему коллеге, — ты остаёшься за старшего и будешь на постоянной связи со Смоллом. У меня всё. Пин, пойдём проверим хронокапсулы и я дам инструктаж по твоей части задания.

Тос и Пун, молча кивнув, что всё понятно и принято к действию, заняли свои места. И только неугомонный Тим влез как обычно:

— Анда, почему не я? Я, между прочим, закончил Звёздную Академию с отличием! Сам Смол меня ставил в пример!

— Вот пока и посиди, в качестве «примера»! — усмехнулась доброжелательно Анда. — Твоё время ещё придёт, малыш!

Кивнув Пину, она вышла из рубки центра управления и они направились к хронокапсулам. Проверив их, Анда приступила к инструктажу:

— Хронопереход мы совершаем одновременно, в одно место и отрезок времени, но в разные точки и с разными задачами. Ты материализуешься рядом с летящим реактивным самолётом германских люфтваффе. Включаешь режим видимости, чтобы пилот увидел хронокапсулу и, проводишь пси-атаку на него. Цель — вызвать у пилота чувство панического ужаса и вынудить катапультироваться. Затем, из стандартной, но не лучевой пушки, ты расстреливаешь самолёт и — всё. Домой. Обратный хронопереход в ручном режиме управления. Максимальное время выполнения задания — 3 минуты. Общее, расчётное — 5 минут. Да, — продолжила Анда, — не забывай о трёх парах истребителей при-

крытия и наземной зенитной артиллерии. Постарайся не попасть под их огонь и сам, случайно, никого не зацепи. От наших рук никто не должен погибнуть. Это — сверхважно!

В общем, схема действий проста и предельно лаконична: «вынырнул» из подпространства, вынудил пилота к нужным действиям, расстрелял пустой самолёт и — точка.

— А твоя задача, Анда? Прикрытие?

— Нет, Пин, у меня задание чуть посложнее. Моя цель на земле. Мне необходимо уничтожить документацию на самолёт. А она находится в сейфе главного конструктора, в хорошо охраняемом административном корпусе.

— Как ты собираешься уложиться в расчётные 10 минут операции?

— Всё просчитано, Пин, — улыбнулась Анда, — не беспокойся. Когда в воздухе ты выполнишь свою часть общей задачи, на авиабазе поднимется паника и внимание будет обращено на катастрофу. У меня будет до 7 минут времени: 2 минуты — на проникновение в корпус, 3 минуты — нейтрализация внутренней охраны и работа с сейфом, 2 минуты — отход. Резерв — 3 минуты. Встретимся уже на базе.

— Как ты нейтрализуешь охрану?

— Усыпляющие капсулы, Пин, — показала Анда небольшой, плоский, по размеру

ладони, пистолет. — К тому же они имитируют алкогольное опьянение и, плюс, обладают эффектом стирания памяти данного отрезка времени. Вывод будет сделан при расследовании однозначный: охрана перепилась по неизвестной причине и ничего не помнит.

— А почему не применить пси — атаку? Это же безопасней?

— Пси-атака не даст картины и следов алкогольного опьянения.

— Понятно. А время на вскрытие сейфа?

— Не потребуется вообще. Взгляни, — Анда показала Пину небольшую, диаметром около 1 сантиметра и толщиной около 0,5 сантиметра, круглую пластину.

— И что это? — разглядывая маленький круглый предмет, поинтересовался Пин.

— Эта малютка разогреет в считанные секунды сейф до такой температуры, что там не только бумаги превратятся в пепел, а вообще, всё содержимое расплавится! — возбуждённо сказала Анда.

— Но все эти странности: моё вмешательство, нейтрализация охраны, сгоревшие в закрытом сейфе документы — могут дать пищу следствию о инопланетном вторжении, — задумчиво сказал Пин. — А ты сама говоришь, что о нашем вмешательстве никто не должен догадываться.

— Я тоже задала Смолу эти вопросы. Он сказал, что у немцев просто не будет времени разбираться во всём детально. А твоя материализация в небе окончательно сдвинет им мозги: «летающая тарелка» среди бела дня! Да они побоятся что-либо лишнее сказать, чтобы самим не попасть в психиатрическую клинику! А ты — охрана, сейф... Там гестапо начнёт всех раскручивать на причастность к диверсии и кто-то поверит про прилёт «инопланетян»? Бред!

— Высший Совет всё отлично продумал! — восхитился Пин. — Как всегда, всё учтено до мелочей!

— Ты прав. У меня даже форма «чёрных» СС приготовлена! — Анда продемонстрировала Пину мундир штурмфюрера.

Затем, отложив его, она повернулась к Пину и озабоченно произнесла:

— Но есть небольшое «но», Пин. Идёт война. А на войне может случиться всякое. Давай проверим всё ещё раз. Итак: системы невидимости активны?

— Да.

— Системы самоликвидации капсул и сигнала экстренной помощи?

— Да.

— Вооружение и медицинские диагност с манипулятором?

— Да.

— Блок режима ручного хроноперехода?
— Да.
— Личный браслет-сигнализатор координат?

— На руке.

— И последнее, — Анда сделала небольшую паузу и тихо продолжила, — активируй чип межпространственно-параллельного перехода...

Пин вздрогнул и так же тихо спросил:

— В этом есть необходимость?

— Смол, настойчиво, рекомендовал, — нахмурившись ответила Анда. — Может произойти всё, что угодно. Предусмотреть на 100 процентов ничего нельзя. Это — война...

— Не хотелось бы им воспользоваться...

— поёжившись, словно от холода, сказал Пин.

... Этот чип вживлялся всем космо- и хроноисследователям. Воспользоваться им исследователь мог только по личному усмотрению. В тех случаях, когда не действовал браслет — сигнализатор и пропадала всякая надежда на то, что застрявшего в прошлом найдут и он вернётся в свой мир или, когда грозила реальная опасность для жизни без малейшего шанса на спасение, — допускалось использование чипа. Попавший в безвыходную ситуацию, нажимал на определённую точку левой височ-

ной кости на 3 секунды и становился невидимым и недоступным для окружающих на 30 секунд. За это время он мог ещё раз оценить обстановку и при повторном нажатии на точку, остановить процесс. Если этого не происходило, исследователь перемещался в параллельный мир. Без надежды на возвращение...

История появления этого чипа уходила в глубокую древность. Ходили легенды, что он, вместе с другими артефактами, попал в этот мир при каком-то катаклизме, приведшем к соприкосновению двух Вселенных...

Чип изучили, нашли ему применение, но вся беда нынешних учёных крылась в том, что невозможно было создать систему обратной связи с перемещаемым и возвращения его в исходную точку перехода. Знания о чипе были или частично утрачены, или они не попали в эту Вселенную в полном объёме вообще. Всё строилось лишь на рассказах добровольцев-испытателей, которые опытным путём и определили этот 30-ти секундный интервал возможности возвращения назад, и их рассказах о том, что они видели и ощущали в этот короткий отрезок времени.

Поэтому ушедший в параллельный мир оставался там навсегда, и дальнейшая его судьба была неизвестна...

Случаи таких переходов были очень редки. Анда знала о трёх таких из предыдущих групп. А один произошёл на их с Пином памяти — это был старый и опытный Ер, который предпочёл реалиям далёкого прошлого, где он потерпел катастрофу, новые реалии параллельного мира...

— Вот и всё, Пин, — подытожила Анда. — идём на доклад Смолу. Они вышли из ангара и вернулись в центр управления. Пун активировал связь и Анда доложила Высшему Совету о готовности. Затем они вернулись с Пином в ангар и заняли свои места в хронокапсулах. Последовал старт...

Германия, авиабаза. Хроника эпизодов

... «Викинг» стремительно набирал высоту. Последние внесённые изменения, как в сам самолёт, так и в его вооружение, требовали сегодня демонстрации фигур высшего пилотажа на предельно малых высотах, имитацию воздушного боя с советским «Ил-2», пилотируемым опытным немецким асом и поражение наземных целей. Сегодня нужно было выжать из самолёта всё, на что он был способен и пилот

«Викинга», гауптман Шульц, был настроен решительно. Внезапно он испытал

нахлынувшее на него, жаркой волной, чувство необъяснимого ужаса и желание немедленно катапультироваться. Странный, резкий свист, заставил его посмотреть налево. Ещё более холодея, от охватившего всё его существо страха, гауптман увидел, как рядом с «Викингом», буквально из воздуха, появился странный летательный аппарат в форме диска. Нервы Шульца не выдержали и он, с диким воплем, открыл беспорядочную стрельбу, а затем катапультировался...

... Пин не ожидал обстрела и поэтому, на доли секунды, задержался с ответным залпом. Это стало для него роковым моментом, — по нему открыли огонь откуда-то сбоку. Пин потерял сознание, а поражённая «мессером» хронокапсула перешла в свободное падение...

... Гюнтер фон Штернер, увидев внезапное появление рядом с «Викингом» непонятного летательного аппарата, подумал, что это ещё одна секретная разработка, о которой он не знал. Решение пришло сразу: «Уничтожить обе машины!» Скомандовав ведомому: «Атакуюем!», Гюнтер открыл огонь по «тарелке», а затем перенёс его на уже поражённый Пином «Викинг», который окончательно развалился на куски от взрыва магнитной мины, установленной Германом Либрехтом...

... Ведомый фон Штернера, обер-лейтенант Айсман, от увиденного впал в панику и,

ничего толком не видя, от бьющего в глаза солнца, нажал на гашетку пулемётов. Результатом стало смертельное ранение Штернера и его неуправляемый «мессер» понёсся к земле...

... Вторая пара «Me-109», вынырнув из облаков, по — своему оценила ситуацию и, взяв в «клещи» самолёт Айсмана, расстреляла его...

... Появившаяся третья пара воздушного прикрытия, ничего не поняв из-за начавшегося в эфире хаоса, уяснила только одно — идёт атака врага и... вступила в бой со второй парой...

... Командир зенитного дивизиона, майор Берг, поняв только, что «Викинг» уничтожен, а лично ему грозит смертный приговор за пропущенного в небе врага, отдал команду на от-

крытия огня из всех орудий. В небе продолжали бой, три оставшихся «Ме-109», — один из четвёрки уже был сбит. Их разнесли на куски огнём зенитных батарей...

... Всё произошло в считанные минуты. Находящиеся на командном пункте, впали в ступор. Из шокового состояния их вывел падающий прямо на вышку самолёт убитого гауптмана фон Штернера. В панике все бросились бежать. Но «мессер» Штернера, каким-то чудом миновав вышку и, словно выполняя последнюю волю пилота, врезался в административный корпус, вызвав взрывом и начавшимся пожаром необратимые разрушения, уничтожив при этом всё конструкторское бюро со всеми предыдущими разработками, без следа... Авиабазу охватила всеобщая паника...

... Ничего не понимающий из того, что происходит в небе, Герман Либрехт, после взрыва «Викинга», нанёс смертельный удар гаечным ключом по голове высунувшегося из салона машины водителя генерала, который с раскрытым ртом уставился в небо и умер, так ничего и не поняв. Распахнув дверцу машины, охваченный паникой Либрехт, просто отпихнул вбок убитого ээсовца и, забыв снять комбинезон, завёл двигатель и рванул к центральным воротам авиабазы. Там уже во всю разворачивался бой с английской диверсионной

группой, которая должна была отвлечь внимание охраны и обеспечить беспрепятственный выезд машины за территорию базы. Не сложилось. Увидев летящую к шлагбауму на бешеной скорости машину, смертельно раненый ротенфюрер СС, последним усилием воли, превратил её выстрелом из фаустпатрона, в пылающий костёр...

... Очнувшийся Пин успел включить антиграв за момент до падения на землю. Последнее, что он сделал перед тем как снова потерять сознание, активировал систему самоликвидации хронокапсулы, нажал на кнопку сигнала координат на личном браслете и, вывалившись из хронокапсулы, пополз к ближайшему перелеску, телепатически посылая Анде просьбу о помощи...

... Прежде чем началась дикая и непредсказуемая бойня в небе, Анда готовилась к выходу из находящейся в режиме невидимости хронокапсулы. Войдя в транс, она запустила внутренний механизм мимикрии. Полный цикл проводить не стала — он отнял бы много времени и энергии, да и необходимости в этом не было. Ограничилась внешней трансформацией, изменив фигуру, для того, чтобы мундир не висел как мешок и, издали, всё выглядело бы обычно. Столкновение с противником на близком расстоянии — не волновало: там

начнёт работу пистолет с усыпляющими капсулами. Надев форму штурмфюрера СС и поправляя на голове пилотку, она сняла с запястья браслет – сигнализатор, который вносил дисгармонию в форму и мог вызвать подозрения у охраны ещё до того, как она начнёт действовать. Скрыв пистолет с усыпляющими капсулами в левой ладони, она, взяв папку для бумаг, вышла из-за угла административного корпуса и быстрым шагом направилась ко входу в здание. Подойдя к дверям, нажала на кнопку звонка. У открывшего ей дверь офицера СС, округлились от изумления глаза. Он широко раскрыл рот, готовый закричать, но свалился в дверях, получив свою капсулу. Анда, перешагнув через него, отправилась в царство Морфея второго эсэсовца. Закрыв за собой дверь, она быстро прошла к лестнице и, минуя караульное помещение, поднялась на второй этаж. Уверенно шагая по коридору к кабинету главного конструктора, она слегка приподняла папку, прикрывая лицо. Сидящий перед кабинетом охранник, увидев в полутьме коридора стройную фигуру с грациозной походкой, поднялся и, с улыбкой, игриво спросил:

— И что это за кошечка к нам пожаловала?

Больше спросить он ничего не успел. Анда, вынув из обычной кобуры лучевой пистолет, перерезала ригели замка и вошла в кабинет. Подойдя к сейфу, закрепила пластину-нагреватель и активировала её. Содержимому сейфа пришёл конец. На всё она затратила 4 минуты. Резерв времени на отход увеличился и Анда спокойно пошла к лестнице. Но она недооценила ситуации. Охранник, случайно обнаруживший своих нейтрализованных коллег, поднял тревогу и по лестнице загрохотали шаги бегущих вверх эсэсовцев. Анда, отпрянув за угол, достала из кобуры лучевик.

«Придётся идти на прорыв и попортить им шкурки!» — зло подумала она и повела лучом над перилами, выше голов, стараясь пока никого не задеть. В ответ загремели автоматные очереди. Анда легла на пол и послала ещё один импульс в сторону атакующих, уже пониже. Услышав падение и крики боли, поняла, что кто-то попал под луч.

«Видимо, без жертв не обойтись!» — с горечью подумала она и приготовилась к броску вниз. Пошла 6-я минута отведённого ей времени. И тут, в конце коридора, появилась ещё одна группа охранников, вслепую открывших огонь. Её взяли в «клещи». Ловушка захлопнулась. Анда послала в их сторону импульс из лучевика и прыгнула вниз, скосив в

прыжке ещё двух охранников. Но завершить прорыв не удалось — в здание врезался неуправляемый «мессершмитг» фон Штернера. Прогремел сокрушительный взрыв. Взрывная волна прокатилась по зданию и выбросила Анду наружу вместе с входными дверями...

В чувство её привёл настойчивый телепатический сигнал о помощи от Пина и она вернулась к активному действию. Добежав до хронокапсулы и, заняв своё место, Анда мгновенно переместилась в нужную точку координат. Реально оценив обстановку, состояние Пина и собственные возможности, она приняла единственно правильное на этот момент решение. Понимая, что хронопереход в односторонней капсуле непредсказуем, Анда усадила не входящего в себя Пина в кресло своей хронокапсулы и активировала пуск хроноперехода. Капсула с Пином исчезла...

«Вот теперь можно позаботиться и о себе, — с облегчением подумала она. — Пока меня найдут по сигналу, надо где-то укрыться и отсидеться. Хотя бы в этом перелеске». И Анда нырнула в заросли, быстро удаляясь от места падения Пина, ожидая срабатывания системы самоликвидации капсулы в любую минуту. Система безукоризненно сработала, как по заказу, в тот момент, когда упавшую «тарелку» осторожно начала осматривать подъехавшая

группа людей в штатском и в чёрной форме СС...

«И всё же мы свои задания выполнили! — с гордостью думала Анда. — Пусть всё пошло не так, непредсказуемо, но цель достигнута: «Викинг» уничтожен, документация тоже. Может, кто-то и погиб по моей вине, но на будущее, думаю, потеря нескольких эсэсовских негодяев, особо не повлияет. Не тот у них уровень развития! Пина, я надеюсь, быстро вернут в строй, да и за мной должны прибыть без задержек. Пора включать сигнализатор координат».

Анда потянулась к браслету на левом запястье и похолодела... Браслета на привычном месте не было. Снятый ею перед началом операции, он оставался лежать рядом с пультом управления капсулой и сейчас, вместе с Пином, уже находился в отдалённом, недоступном теперь для неё, будущем. Это был конец...

Эпилог

Приехавшая на авиабазу комиссия, провела расследование в кратчайшие сроки, особо не углубляясь в детали. Для более тщательного и объективного анализа случившегося у неё просто не было времени: война шла уже на территории Германии. Выводы были

сделаны однозначно, а решения приняты пунктуально.

По версии следствия, диверсия была подготовлена и проведена английскими спецслужбами. В наземной операции принимали участие диверсионные группы англичан, а в воздухе Королевские ВВС применили новое секретное оружие, в виде необычного летательного аппарата с мощным вооружением. Так как на месте крушения аппарата останков пилота не обнаружили — решили, что это беспилотник, который и уничтожил «Викинг» с «мессершмиттами» прикрытия и только благодаря хладнокровным действиям майора Берга, он был сбит зенитчиками.

Майора представили к Железному Кресту, шестерых пилотов «Me-109» наградили посмертно, как и сгоревшего в автомобиле, водителя обергруппенфюрера и погибших охранников. Германа Либрехта посчитали без вести пропавшим (выдвигалась версия его захвата диверсантами). А вот пилоту «Викинга» не повезло: гауптмана Отто Шульца, который рассказывал истинную правду про увиденных им «чудовищ из преисподней» и «летающую тарелку» инопланетян», поместили в закрытую психиатрическую клинику. Командный состав авиабазы, конструкторы, лётный и технический персонал, не пострадали и отдела-

лись лёгким испугом, решив, что лучше держать язык за зубами, соглашаясь с версией следствия. Но проект «Викинг» был закрыт окончательно...

... Пина спасти не удалось. Не помогли все достижения медицины. Слишком поздно его доставили в Межпланетарный медицинский центр. Смол и Мава не отходили от него до последней минуты...

Особой болью для всех была потеря Анды. Предпринятые поиски ни к чему не привели. Были собраны только слухи, что в этой местности, во время войны, действовала особо дерзкая диверсионная группа, которая уничтожала, в основном, только высокопоставленных чинов «чёрных» СС. Вермахт её не интересовал. Командовала группой некая «Анджелла», которую никто и никогда не видел, но которая оставляла свой знак на месте совершённых диверсий — рисунок оскалившейся кошки с поднятой для удара лапой...

Подобные слухи Высший Совет собирал по крупицам, по всем странам и континентам, систематизировал и проводил аналитическую работу. Эту работу он начал осуществлять со времён первых катастроф случившихся с исследователями в прошлом. Сколько было собрано мифов, легенд, сказаний, о пришедших с небес Богах, у которых было человеческое

тело, но иная голова. Их изображали в наскальных рисунках, создавали статуи и монументы; запечатляли их деяния в устных преданиях и в древних манускриптах. И это происходило в различных точках земного шара. Но у всех пришельцев с небес был одинаковый исход: они — исчезали, непонятно как и неизвестно куда и больше не возвращались.

По версии видевших их землян-современников, они улетали на небо.

Аналитики Высшего Совета были едины во мнении: пропавшие в прошлом представители народа кош, выполнив свою миссию на Земле, уходили в параллельный мир...

За случившееся в нынешней ситуации, Высший Совет не осуждал никого. От трагических случайностей никто не застрахован и потери бывают неизбежны. Важно было то, что миссия выполнена, пусть даже и такой ценой. Зато человеческая цивилизация не подверглась испытаниям, которые могли для неё наступить при неблагоприятном исходе. Недосмотр маленькой, почти незаметной на общем историческом фоне событий, детали, — был устранён. Человечеству снова давался шанс на мир и созидательное развитие. Угрозы глобального порабощения народов одной нацией,

на данном историческом отрезке времени, больше не существовало.

Предстояло, правда, ещё провести детальное расследование того, откуда появились у немцев технологии будущего, выявить и примерно наказать виновных.

Активную деятельность «селенитов» по внедрению в прошлое, временно приостановили. Группу решили пока не пополнять — для

наблюдательной работы хватало и троих. Командовать базой назначили Пуна, но Смол и Мава уже видели в будущем, в качестве командира, набирающего опыт и знания, молодого непоседу Тима...

... Анда сидела на берегу небольшой горной речки и задумчиво смотрела в ночное, ясное небо, на такую близкую и в то же время — далёкую и недоступную луну.

Земля дышала весенним теплом и покоем от завершившейся войны.

«Что дальше? — думала Анда. — Пока шла война — был смысл жить и действовать здесь. Моя миссия не закончилась на авиабазе. Я избрала верный путь, когда вынуждена была остаться в этом времени. Я помогала, как могла, избавляться народам от «коричневой чумы», приближая победу над фашизмом. А сейчас? Как мне поступить? Остаться здесь, где я не нужна никому со своими знаниями и умениями, которые невозможно применить на практике в этом мире и времени? Да и находиться в постоянном режиме мимикрии — требует огромной затраты внутренней энергии, что ведёт к стремительному старению. А здесь ещё ничего не изобретено по клеточной регенерации. Уж очень мало времени мне будет отпущено, чтобы прожить здесь полноценную жизнь. Да, я могу и дальше изображать немую и общаться знаками, хотя читаю, телепатически, все мысли окружающих. Но постоянно находиться с изменённой внешностью — сложно. Мои энергетические затраты на это истощают меня с каждым днём».

Анда вновь посмотрела на луну, с тоскою и болью, продолжая свою горькую думу: «Надежд на возвращение не осталось. Всё идёт к тому, чтобы сделать последний шаг».

И тут она улыбнулась своей тёплой улыбкой: «А может быть там я встречу Пета и Миша, и Лёка — первого, или старшего брата — Ера? Да мало ли кого из нашего народа,

кто вынужден был уйти за черту! Терять мне уже нечего и некого! Конечно, здесь остаётся Мартин. Милый, забавный парень! Но он — человек. И находиться долго в состоянии мимикрии я не смогу. Хорошо, что я не допустила того, чтобы наша связь переросла в нечто большее! Конечно, парень будет в трансэ от моего исчезновения.

Да и для меня он всё же не пустое место. Но он справится. У него получится. Воли и хладнокровия ему не занимать. Сильная личность! И он ещё встретит свою судьбу и обретёт счастье с нормальной земной девушкой! Объяснять ему я тоже ничего не буду. Лучше уйти, как говорят здесь, по-английски, не прощаясь. Ну что, Анда? Вперёд? Да! Только вперёд!»

И Анда, нащупав на левом виске нужную точку, нажала на неё, отсчитала 3 секунды и стала невидимой. Она ещё успела увидеть, как из-за деревьев появился стройный, черно-волосый красавец — её Мартин, — который растерянно позвал:

— Анджелла, ты куда спряталась?

У Анды оставалось ещё несколько секунд для того, чтобы вернуться. Но она не сделала этого. Она ушла в параллельный мир. Навсегда...

Октябрь 2014 г.

Жаум Славин

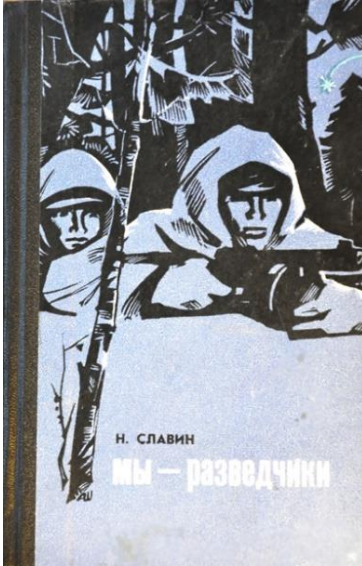
(1926 – 2012)

член СП СССР

Главы повести «МЫ — РАЗВЕДЧИКИ»
(Симферополь, издательство «Таврия», 1973 г.)

МОЙ АВТОМАТ

Когда долго не спится или глухой ночью улечутится сон, а утром рано вставать, работать, быть бодрым и деятельным, я вызываю в воображении одну и ту же картину.

Ночь, оледенелые комья на бруствере, ведьмины космы метели. Среди ночи нас подняли в блиндаже: то ли привиделось стрелкам, то ли действительно подползают немцы. Нас мало, рассредоточились в изломах траншеи. Я один в бесовской ночи. Но со мной автомат. Я вскиды-

ваю оружие, левой ладонью обнимаю округлость диска, заученным движением большого

пальца правой отвожу рубчатое полуколесико предохранителя. Удивительное спокойствие, отрешенность нисходят на меня.

И тревоги дня, завтрашние заботы отодвигаются, блекнут, как растворилось все в том великом покое, когда отрезало, отсекло страхи, сомнения, и есть лишь заснеженная траншея, близко враг и верный ППСШ. Еще раз я удобнее прилажусь, нащупаю сбоку запасной диск, - близится сон. Психологи утверждают: у каждого человека свой обряд сна. Один считает белых слонов, другой твердит в бессонницу таблицы тригонометрических функций. Мой обряд: вскинутый автомат, выведенный из паза предохранитель, упругая податливость пружины под затвором и отрешенное, чуть угрюмое спокойствие.

Страшусь не смерти, а беспомощности, подчиненности злой враждебной воле. С оружием в руках я свободен от страха.

Когда мать, сестра и я, пятнадцатилетний, застряли на Кубани, фашисты заняли Ростов, Керчь, и было известно: они уничтожают стариков, детей, женщин, — я помышлял лишь об одном, об оружии. Убить одного, занесшего руку, убить другого, стрелять, стреляя, угаснуть. Жизнь за жизнь, отдаю взамен, я сам решаюсь, и никто мне не страшен.

Мой учитель географии, добрейший Александр Петрович, больной и немощный, не эвакуировался. Из окна школьной квартиры он застрелил первого влетевшего во двор вражеского мотоциклиста. Ранил и второго за мгновение до гибели. У него была винтовка, пускай малокалиберная, и он был спокоен, не подвластен страху.

ППШ № 7006 записан в моей красноармейской книжке. Как ни напрягаю память, не припомню себя и его отдельно. На марше, в пути он за спиной, пригнуто, ловко, приклад выступает над левым плечом. Привычна обнадеживающая тяжесть, равно распределенная вдоль ремня. Я прошагаю десятки километров и не сочту автомат в обузу, грузом себе. Он как частица собственного моего веса.

Одним движением, ослабив тягу, я передвину оружие на грудь. Тогда левая рука охватывает кожух, а правая покойно ложится на короткую рукоять затвора, нащупывает предохранитель. Для стрельбы мгновенно вывернусь из-под ремня, прильну к ближайшему дереву, метнусь плашмя в кювет. Стрелять с ремня не стану. Отражаемые гильзы могут брызнуть в лицо. А главное, меня приучили бить только прицельно.

На марше, переходе, в действии... Если короткий привал и можно сесть, я прилажу автомат на коленях: удобно мне и сохраннее

ему. Во время еды, за артельной миской, я всегда ощущаю расстояние до гвоздя, на котором висит, или дерева, к коему прислонен автомат.

Если ничто не грозит и назначены дневальные, возможно, он побудет так до вечера. Но спать непременно нам вместе, мне нет изголовья спокойнее. Соломы или хвои против сырости я натрушу не себе, а под автомат, с меня довольно шапки на жестком прикладе. Придут будить в ночной караул, и оба поднимемся нести службу.

Он прост и непритязателен внешне. Его создатели не трудились над отделкой. Шероховатое литье кожуха, грубая оковка приклада. Я отделяю диск, отжимаю затыльник. Мое грозное оружие переламывается под углом наподобие заурядного дробовика. Затвор вытряхивается вместе с пружиной и корявым пластмассовым амортизатором.

Сознаюсь, я так и не постиг сложную притирку деталей в недрах винтовочного затвора. А тут и деталей нет, сплошная железная штука. Но масса точно рассчитана, ход ее и упругость пружины — тоже, и вместе отлично сопряжено с силой отдачи, с возможностями диска выталкивать под затвор вереницу взрывчатых патронов. Простая конструкция без вычурностей, но в основе — сложный, безошибочный расчет.

Мне нравится красота целесообразности, не терпящей украшательского лоска. Я уважаю свой ППШ как искомое решение, ове ществленную итоговую формулу.

Но поскольку исходные данные опущены, формула в общем выражении неизвестна, автомат представляется мне в значительной мере загадкой. Особенно, когда он обретает жизнь в судорожной спешке очереди. Он неукоснительно послушен, но всегда я жду еще чего-то сверх моих посылов. Мне кажется, он скрытен по моей расточительности. Я не могу угадать остаток зарядов в работающем диске.

У него своя механическая память, мне в укоризну железная прямота и точность ее. Один лишь раз я применил оружие не по назначению, когда в кухонном наряде не решился заколоть подсвинка. Я выстрелил ему в ухо, и переключатель автомата остался в положении «одиночными». Он мне припомнил, мой ППШ, неуважение и забывчивость - незамедлительно, тою же ночью. Я напрасно держал спуск, выжимая лихорадочно очередь, а он отзывался бессвязными, отрывистыми толчками.

Бывают иные размолвки, случается, я раздражаюсь при виде ржавой сыпи, выступающей на кожухе и ребристом стволе. Его железные поверхности слишком скоро утратили вороненый с завода отлив. Не помогают

чистка и смазка. А в остальном мы живем душа в душу. Я люблю автомат, мне с ним надежно. Я горделиво проношу его по городам и весям, потрясенным войной.

В немецком доме, среди испуганных обитателей, я демонстративно вешаю автомат на спинку стула подальше. Но мне надо утвердить не только человечность, а и великую сокрушающую мощь моей армии, державы. И я беру вновь автомат (пламя страха в расширенных глазах), отделяю диск, снимаю крышку.

— Здесь семьдесят один патрон. Их можно отстрелять за одну минуту. У германских солдат нет подобного оружия.

Я не забочусь, понятны ли слова. Достаточно им видеть тесную спираль золотых припулленных пулевых головок.

— О, йа, йа!

Я примкну диск на крыльце, мне некогда вести политбеседу. Эти люди видели наши танки, нашу артиллерию, Они научились узнавать: «О, Катюш!» Но не менее красноречивы, зримо убедительны семьдесят один патрон в круглом диске советского пистолета-пулемета Шпагина.

Я и поныне время от времени отличаю знакомый контур со сквозными отверстиями охлаждения, с косо срезанным впереди кожухом, с круглым ли, рожковым магазином. На

экране телевизора, в размытом стремительным движением газетном снимке. В руках того, кто борется за свободу, торжество справедливости в далеких заморских краях... Как знать, возможно, это продолжает службу мой ППШ № 7006. Я сдал его старшине в исправном состоянии.

ЕВРОПА НА ПЕРЕКРЕСТКАХ

Пока шли Польшей, некогда было приглядываться. А теперь темп замедлился. Проходим немецкие села, и все подмечает солдатский глаз.

- Культурно жили! Основательно.
- Со всего света нахапано.
- Так-то оно так. Однако сами аккуратисты. Что в дому, что в хлеву.

— А коморки для батраков, заметь, рядом с тем же хлевом или на чердаке — сквозняком продутые.

Побросали добро, бежали впопыхах. На свой фашистский аршин нас меряют. Скотина шатается меж дворами, мычит, сосцы набрякли.

В деревне улицы вымощены булыжником, заборы из спаянных цементом несокрушимых гранитных валунов. Тоскливо на безлюдье, мертво, нигде собака не залает. Два-три дома ближе к окраине вывесили бело-красные флаги: польские семьи живут.

Мы нынче покинем деревню, а в следующей, назавтра, уже не так мертво. Вернулись кое-где беженцы, выпрягают лошадей из фургонов. Не прячутся - выглядывают робко за ворота.

С моим немецким языком одни конфузы. Меня позвали к капитану. По виду дом отличен от прочих. С претензией, вроде дачник-горожанин в толпе сельских жителей. И в комнате всюду бумага. Испещренная замысловатой готикой или четким латинским шрифтом - ползет стопами со стульев, столов, из ящиков бюро. Вот ради нее позвали меня капитан и парторг старшина Краснов.

Я вижу оставленный на стуле мундир: зеленый с белыми лацканами, с шитьем, на брю-

ках лампасы. Какой-то местный чин, ступенька громоздкой иерархии, во всей атрибутике важности и власти. Капитан рассматривает длинную узкую шпагу в серебряных ножнах (не серебро, разумеется, мишурная тусклость), с кистями, как на старомодных гробах. Вдвинул в ножны, швырнул в угол, она задребезжала. Фигурно изогнутая нержавейка, тупая - игрушка для парадов.

Но вот бумага, тонкая, хрустящая. Обилие ее меня смущает, и аккуратность шрифта, солидный вид. Кипы журналов, множество резких фотографий. Ага, Гитлер, Геринг, молодежавый — Геббельс, других по внешности мы не знаем. А что касается языка... Мои попытки переводить — скорее угадывание. Я беспомощен перед каверзами словообразований и синтаксических нагромождений.

Из секретного ящика капитан вынул папку документов с типографскими штампами, орлами, глянцевитые бумаги с печатями. Перед канцеляризмами я вовсе пас. Капитан, вздохнув, завязывает папку. Своими силами не обойтись, придется отвезти в разведотдел, к переводчику.

Недавно командир роты вручал мне значок «Отличный разведчик». Наверно, надеялся на большее. Я рьяно листаю журналы, толкую вкривь и вкось. Краснов — мягкая

душа — соглашается, не возражает. Понимаю: могу идти, никто не держит.

Впрочем, не один бы немецкий пригодился. Вокруг сейчас — настоящее смешение языков, великое передвижение народов. По всем дорогам идут, как отлив, навстречу войскам. У поляков дом близко, к бело-красному полотнищу мы привыкли. Французы: на передней тачке трехцветный флажок. Велосипеды, тележки, детские коляски, одинокий битюг, запряженный в пароконную платформу с дутыми шинами, рюкзаки у каждого.

Приятный народ французы! Какая б ни рвань, хоть лагерная куртка, мужчины носят непринужденно, щегольски. Черный берет, у пожилых усы, красная розетка в петлице, цветной лоскут. Поляки озабочены скорой

встречей с домом. У французов заботы далеко, они пьяны свободой.

Двигается группа. Первые по инерции пройдут, но дальше непременно застопорится, завяжется. Улыбки, рукопожатия, хлопки по плечу. Здравницы с хорошим искренним пафосом. Откуда ни возьмись, появится бочонок с красным вином. Светло на сердце и чисто, жива мечта об интернациональном братстве.

Француженки вопреки ожиданиям не сплошь красавицы, зато просты, приветливы. Похвастается ли кто из наших оказанной ему благосклонностью, на веру брать едва ли стоит. И то не в ущерб достоинству француженок.

У наших, освобожденных флажков не видеть, свои без того узнают. Парней, зрелых мужчин нет. Старухи: вечная сетка морщин с

дорожками слез, приникнет иная близко, приговаривает. Обернешься потом: крестит в спину, пальцы шепотью. Молодые, девчата... Блеклые, истощенные, в сером тряпье. Говорят шепотом. Речь с чужими словами: ляйтер, цивиль, блок. Да как же их измучили, истерзали в неволе!

Не я один, мы многие желали им немедленного здоровья, мгновенного восстановления. Но не так скоро выпрямляется ущемленная душа. Гордая — тем труднее. Им было горько, что застали в унижении. Их угнетала страдательность, пассивность положения. Многие, чуть ожив, просились в армейские части.

Война ведь не кончилась. И мы, солдаты, без громких слов, как прежде исполняли службу, не спали сутками, едва не валились от усталости. Не беда! Все тяжкое, трудное заслонялось весенним половодьем радости, восхитительным сознанием неисчерпаемости сил, масштабности задач, безграничности возможностей. Сверхалось наяву, чем грезили, во что верили. Усилия и жертвы вознаграждались немедленно и зримо. Высшая справедливость торжествовала в самых будничных наших делах.

Матьяна Цареградская

член Союза журналистов

НА ВСЮ ОСТАВШУЮСЯ ЖИЗНЬ

Есть вещи, прикосновение к которым причиняет почти физическую боль. К таким вещам относятся старые фотографии, на кото-

рых близкие люди молоды, красивы и... живы. Потому мы часто прячем эти снимки, а случайно наткнувшись на них, подолгу вглядываемся в родные лица, словно ищем спасение от мучительного осознания безвозвратной потери.

Я никогда не знала своего деда Григория. Пара фотографий, да маленький солдатский

треугольник со скорбным известием — вот и все, что осталось мне на память о нем. В детстве, приходя к бабушке в гости, я часто доставала эту фотографию из темного конверта с бабушкиным «архивом» и думала: надо же — мальчика и мужчину забрала война, а женщине и девочке сохранила жизнь, и след от сгиба между ними — как линия судьбы, разделившая их навечно.

На обороте снимка чуть угловатым бабушкиным почерком надпись: «20 июля 1941 года. Проводила на фронт». Они сфотографировались всей семьей — последний раз вместе: 27-летняя бабушка, 3-летняя мама, ее брат Славик и дедушка. На фото есть еще один ребенок — бабушка на восьмом месяце беременности. Она долго не могла простить мужу, что он ушел добровольцем на фронт, оставив их среди хаоса и ужаса. Но коммунист Григорий Кулешов не мог поступить иначе.

Через месяц он был тяжело ранен под Днепропетровском, а 7 сентября 1941 года умер от ран. Но бабушка ничего не знала о его судьбе аж до конца войны, когда ей переслали с родины деда — небольшого села в Херсонской области — письмо от однополчанина Николая Бесараба, написанное в октябре 1945 года. Он сообщал о смерти красноармейца Кулешова и заканчивал: «Передайте

его родным, что его нет в живых, и пусть его не ждут».

Безжалостные, страшные слова. Но бабушка хранила этот исписанный бисерным почерком листок бумаги, и сейчас ему тоже 60 лет.

У бабушки родился мальчик, которого в честь отца назвали Гришей. Но он ненадолго его пережил: через несколько месяцев маленький Гришик умер. А бабушке с детьми удалось эвакуироваться, когда Керчь уже содрогалась от бомбежек: «Я бегу по дороге, Светочку и Славика держу за руки, кругом рвутся бомбы, я кричу и дети кричат, и это так страшно, так страшно!» Бабушка, как и многие пережившие войну, неохотно вспоминала об этом. Так — короткие фразы, несколько предложений, за которыми — черная бездна горя.

Они уехали в Азербайджан, где ели черепах и фрукты — так и выжили. Но когда возвращались домой, в дороге дети заболели корью. Мамин организм оказался сильнее. Когда она пришла в себя и спросила — а где Славик? — бабушка ей ответила: «А Славик умер».

Могла ли знать красавица-хохлушка Вера Незаймаева с Кировоградщины, что голодомор, отнявший у нее всю семью и вынудив-

ший уехать в Крым, — не последнее испытание? Откуда она черпала силы, чтобы пережить все, что выпало на ее долю? И не опуститься, не сломаться, не озлобиться?

Бабушка больше не выходила замуж и через полвека после смерти деда ушла вслед за ним. Может быть, там, где все мы однажды будем, она встретила своего Гришу и они выяснили и простили друг другу все недоразумения и обиды.

В судьбе моей бабушки Веры, как в зеркале, отразились судьбы тысяч женщин, чья молодость пришла на огненные сороковые. Тысячи их детей и внуков сегодня спрашивают себя: а что было бы с нашей семьей, если бы не война? Сколько двоюродных братьев и сестер было бы у меня, если бы не умерли Славик и Гришик, если бы дедушка был жив и у них с бабушкой, которые сами из многодетных семей, были еще дети?

Это неправда, что с годами мы перестанем быть связанными с той войной. Да, возможно, лучше будет забыть о ее кровавых деталях, а помнить лишь ее уроки. Но боль войны, войдя в плоть и кровь наших дедов и отцов, осталась в них навсегда, передаваясь по наследству. Ибо противоестественные, насильственные изменения в прошлом фатально влияют на будущие поколения.

И я не забуду о том, что война отняла трех мужчин у моей семьи и тем самым изменила и мою жизнь. И в наших детях и внуках, рассматривающих семейные фотографии, однажды вдруг проснется генная память, и сердце сожмется смутным и тревожным отзвуком далеких страданий...

Май, 2005 г.

Алла Чаплюн

МЫ ПОБЕДИЛИ... СТРАХ

Это было просто. Даже банально. Банально до пошлости, какую теперь окружено всё то, что они когда-то, в своих детствах и молодостях почитали святынями. Наверное, они до сих пор живут в этом своём измерении, не давая себе труда задуматься, что наше измерение иное, что думаем, мыслим и ощущаем мы всё — иначе.

А этот дедуган пришёл на урок и раздал на каждую парту по две-три фотки. Смотрите, сказал, просто попробуйте понять, что они думали, что они чувствовали, эти дети — за ключей проволокой, в бараках, в длинной веренице бредущих к какому-то небольшому

строению, где словно находится кабина нуля-Т — назад не выходит никто. На некоторых фотографиях, сказал он, есть я и мои друзья...

Я с усмешкой повертел ксерокопию и повернулся к соседке поделиться впечатлением...

Хотел повернуться...

... Я прижался к стене ещё сильнее, чтобы просто её почувствовать и доказать себе в очередной раз, что не плаваю в темноте, что я вообще ещё могу что-то ощущать. Рядом кто-то вздохнул. Наверное, это та самая девочка, которая нравилась мне в школе миллионы лет назад. Даже если и не она, то я себе её представлю.

Странная вещь — тьма. Из неё можно вылепить любые образы. Как вылепливали меня, когда я был ещё куском глины. Но почему Тот, Кто с любовью тёплых пальцев создал меня, не поможет, не спасёт? Почему Он так равнодушно смотрит на всё это? Зачем оставил наедине с тьмой?

Всё это бесполезные вопросы, ведь Он создал и тех, кто запер нас. Он не любит их больше, чем меня, а просто любит.

В помещение, подобно сороконожке, пронеслось шуршание. И снова тихо. Тихо схва-

тило шуршание за хвост своей длинной обглоданной кистью и проглотило. Тут обиделось тило, оно отбросило все схва и прогло и ушло прочь. Чь в свою очередь надоело, что про него все ходят; оно надулось, как мешок, и улетело, похлопывая зелёными ушами.

Мне было очень жарко, так жарко, что аж знобило. Но ни знобило ни жарко не хотели общаться между собой, потому что мамаша лихорадка однажды отшлёпала их обоих за то, что жарко в силу своей глупости и юности высушил мозг одному мальчику по имени Адольф без разрешения мамаша.

Я не знаю, что со мной происходит. Я не знаю, зачем война топчется по моей жизни. Я больше никогда не буду кричать на мать, драться с мальчиками, бить колени и рвать штаны. Неужели это всё из-за той дохлой крысы, что я подкинул в учительскую? Хоть бы на минутку, на одну минутку попасть домой. И можно умереть.

Что-то новое и очень недоброе появилось рядом. Я чувствую его, правда, не знаю, чем. Что-то огромное и чёрное нависло надо мной. Рука. Огромная рука возле моего плеча, прожигает кожу и, кажется, что сейчас схватит. Одно движение и конец. Я пытался не дышать, не шевелиться, а в груди ворочался древний, неизбывный ужас. Некоторое время чёрная рука висела надо мной, показалось,

что это время длилось ровно одну вечность. Рука уползла от меня, значит, сегодня она утащит кого-то другого, того, кто покажет свой страх.

... Я осторожно перевёл дыхание. И ощутил в кулаке что-то тёплое, живое, раздавленное. Сердце рванулось в гортань, стремясь сбежать от этого нового, немислимого кошмара. Я разжал кулак. Гвоздика. Кровавое месиво из красной гвоздики. Их нам раздали — вручить...

Я поднял глаза на дедугана. Разве ему гвоздики наши нужны?.. И неужели он понял? — Рука, прохладная, успокаивающая, легла на моё плечо.

Мы победили... страх.

Анна Чудновекая

член «КГЛито «Лира Боспора»

ПРОЛИВ

*Памяти моего дяди И. Л. Раскина,
ветерана 51-й Армии*

Мои дядя и тётя жили в Симферополе. Иногда летом они приезжали к нам в Керчь. Тётя, высокая, уже немолодая женщина с пышными волосами и яркими, детски голубыми глазами, певунья, очень любила море и вообще воду. Она сама себя за это называл «уткой».

Всей семьёй мы шли на пляж. Тётя сразу шла купаться. Она заходила в воду на такую глубину, чтобы доставать дно, и медленно плыла вдоль всего пляжа туда и обратно, так что, на берег выходила не скоро.

А дядя садился на топчан спиной к морю, и взрослые о чём-то тихо беседовали. Нам, детям, это было неинтересно. Мы с разбегу бросались в море, визжали и брызгались недалеко от берега.

Когда солнце начинало уж очень сильно припекать, дядя заходил в воду по колена. Мы звали его: «Дядя, иди к нам!» Ведь со взрослыми купаться всегда интересней: за них можно цепляться, как за буёк, там, где уже не

достаёшь дно, а не плескаться на мелководье, как лягушата.

Но дядя не слышал нас. Он стоял в воде и смотрел куда-то в даль пролива. И было в его взгляде что-то такое, что мы, ребяташки, даже шуметь переставали. Простояв так с полчаса, дядя набирал в горсти морскую воду, выливал её на свою совершенно безволосую голову и возвращался на топчан. Никогда глубже чем по колена он в воду не заходил. Только уже будучи подростком, я узнала причину столь странного дядиного поведения.

...Шла война. В мае 1942 года немцы прорвали оборону Крымского фронта. Наши войска отступили к Керчи. Часть бойцов удалось на катерах переправить на Таманский берег, но вывезти всех не представлялось возможным: не хватало катеров, немецкая авиация постоянно бомбила пролив.

Дядя воевал в 51-й Армии, часть которой осталась на крымском берегу. Многие ушли в Аджимушкайские катакомбы. Дядя рассказывал: «Я пошёл, посмотрел. В катакомбах мне не понравилось». Он вообще был немногословным человеком. Но теперь-то я понимаю, что своим практичным крестьянским умом дядя понял: войти — легко, а вот выйти оттуда живым...

Он решил, как и другие, переправляться через пролив самостоятельно. Дядя был автомехаником, поэтому он снял с брошенной машины колесо и из покрышки сделал плавсредство. Такие же приспособления он сделал двум девушкам, которые тоже собирались переправляться. Плавать дядя не умел. Наши катера подбирали плывущих в проливе бойцов, но под бомбёжкой далеко не всем удалось достичь спасительного берега.

Я не знаю, доплыл ли дядя сам, или его подобрал катер, но он остался жив и воевал дальше. Однако он никогда не забывал эту переправу. Под разрывами бомб на утлом плавсредстве, совершенно не умея плавать.

Для нас, детей, пролив был тёплым и ласковым морем, а для дяди он навсегда остался границей между жизнью и смертью.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1. ПОЭЗИЯ

Алексеева Лариса

Ветераны.....

Андропова Злата

«Самолёты ещё садились.....»

Анисимова Татьяна

Была война.....

Артёмин Константин

«Спустившись с Космоса на Землю...»

Бондаренко Елена

Керчь.....

Бурова Светлана

Их высокая мечта.....

Украинская трагедия.....

Пусть мир спасёт любовь.....

Вдовенко Алексей

Фронтовик.....

Апрельский день.....

О Мире.....

Отцу.....

Победа.....

Судьба человека.....

Дедушкина бескозырка.....

Володин Владимир

Сон фронтовика.....

В музее Великой Отечественной войны

Дерий Фаина

Сестре.....

- Тишина.....
- Коваль Вера**
Алюминиевая кружка.....
Фронтные богини.....
- Котельников Пётр**
Парад на Красной площади.....
Размышления у могилы неизвестного солдата.....
- Котлер Юлия**
Античный променад.....
- Лапченко Елена**
Мой дед.....
- Левченко Татьяна**
«Девчонка вспомнилась одна...».....
Военные ордена.....
Минута памяти.....
День Победы.....
- Лось Владимир**
Их именами.....
Монолог солдата.....
Тяжела была война.....
У памятника погибшему воину.....
Чайки.....
Берёза.....
- Молодцова Марина**
Пламя Вечного огня.....
Детство моё, босоное.....
Это было.....
Открытое письмо Киеву.....
- Нестеренко Василий**
Колыбельная для деда.....
Жив отвлекающий десант.....

	Рисунки Аджимушкая.....
Панин Леонид	Десанту «Огненной земли».....
	Цветы под землёй.....
Рабочая Елена	«На улице холод...».....
Руденко Виолетта	В сорок первом далёком году.....
	Цветы крови тюльпаны.....
Смашная Валентина	Керчь.....
Тищенко Любовь	Мамина молитва.....
Храмкова Людмила	Молчаливые герои.....
	За честь Отечества.....
	Опалённые войной.....
	Ноктюрн пустоты.....
	Моя Россия.....
	Святой долг.....
Цареградская Татьяна	Старый город.....
Чудновский Михаил	Война продолжается.....

Часть 2. ПРОЗА

Ищук Татьяна	Негаснувший Победы свет.....
Коломейцева Елизавета	Военные строки.....

- Кучмина Ирина**
 Две свечи.....
 Любовь к жизни.....
- Лапченко Елена**
 Военная бабушка.....
- Маковецкий Василий**
 Наш земляк Георгий Титов .....
- Молодцова Марина**
 Дети войны
 Сквозь годы и невзгоды.....
 Валя-Валентина.....
- Молодцов Сергей**
 Крах проекта «VIKING» .....
- Славин Наум**
 Мой автомат.....
 Европа на перекрёстках.....
- Цареградская Татьяна**
 На всю оставшуюся жизнь.....
- Чаплюн Алла**
 Мы победили...страх.....
- Чудновская Анна**
 Пролив.....

Литературно-художественное издание

Пламя Вечного Огня

посвящается 70-летию Великой Победы
сборник произведений керченских авторов

Составители сборника: Марина и Сергей Молодцовы
Фото: Людмила Бахарева; фотоархив периода ВОВ.
Вёрстка, макет, дизайн: Татьяна Левченко
Сборник издан в авторской редакции

Формат 84x108 1/32. Заказ № 95
Печ. л. 96,5. Тираж 150экз.
Бумага офисная. Печать цифровая
«Керченское городское литературное
объединение «Лира Боспора»

Керченские авторы о городе, войне и о Победе

